

СЕРГЕЙ ЖЕМАЙТИС

ВЗРЫВ В ОКЕАНЕ

СЕРГЕЙ ЖЕМАЙТИС

ВЗРЫВ В ОКЕАНЕ

ПОВЕСТЬ

честь ● отвага ● мужество

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1965**

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ты, наверное, уже прочел некоторые из книжек библиотечки «Честь, отвага, мужество». Понравились ли они тебе? Кто из героев этих книг больше запомнился? Какие еще книжки в этой серии ты хотел бы прочитать, о чьих подвигах, героических поступках узнать?

Обо всем этом напиши в издательство «Молодая гвардия», указав заодно свой возраст, где учишься или работаешь.

Этим ты поможешь редакции серии подготовить и выбрать для издания те книги, которые больше всего интересуют наших читателей и тебя в том числе.

Свой отзыв посылай по адресу:

Москва, А-30, Сущевская ул., 21. Издательство «Молодая гвардия», серия «Честь, отвага, мужество».

Следы на песке

Я проснулся на берегу возле самой воды. В лицо мне светило утреннее, но уже жаркое солнце. Острые куски кораллов впивались в спину. Все тело ныло, но голова была ясной и свежей. Мне сразу припомнилось все, что произошло в прошедшую ночь.

С вечера ничто не предвещало беды. Океан мерно покачивал наш «Орион» — шхуна бежала по синей воде кораллового моря, похожая на пиратскую бригадину. Шли мы только на одном дизеле, в расчете прибыть к месту назначения на рассвете. Что это за место, никто из команды не знал, кроме Ласкового Питера — нашего капитана, да У Сина — штурмана, и еще, пожалуй, меня. Принося кофе и виски в рубку, я искоса поглядывал на карту, приколотую кноп-

ками к штурманскому столу, и видел на ней тонкую карандашную линию курса, проложенную к группе атоллов, затерявшихся среди просторов Тихого океана. Шторм налетел внезапно, как часто случается в этих широтах. Шторм как шторм, которых было немало с начала плавания на «Орионе», и на этот раз все бы обошлось хорошо, не подвернись нам коралловый риф.

Меня швырнуло с койки вскоре после начала первой вахты. Сразу погас свет, видно, острые зубья кораллов просадили днище в машинном отделении, и оно быстро заполнилось водой. Замолчал дизель. Страшная это штука, когда в бурю замолкает уверенный стук машины и слышны только вой ветра, плеск волн да стоны смертельно раненного корабля.

В коридоре я налетел на чью-то широкую теплую спину. Это оказался наш кок — голландец дядюшка Ван Дейк. Я окликнул его.

— Это ты, Фома? — отозвался он и схватил меня за руку. — Не падай духом, мой мальчик. Ты надел пояс? — Он ощупал меня. — Нет! Надень! Или возьми буй. Дело серьезное. Ты выплывешь! Выплывешь! Недалеко остров... Проклятый капитан, хотел больше заработать...

Треск корпуса, рев бури заглушили его слова, я только расслышал:

— Прилив... плаваешь хорошо... не бойся...

Вода хлынула по коридору и отбросила меня от дядюшки Ван Дейка. Больше я не видел его. В крошечной тьме, прорезаемой вспышками молний, все, кто еще держался на палубе, пытались спустить шлюпки. Две с правого борта были разбиты в щеп-

ки. С левого борта, наконец, удалось спустить одну шлюпку, но ее накрыло волной и унесло. Осталась последняя. Матросы, обезумевшие от страха, стали драться возле шлюпки, вместо того чтобы общими силами попытаться спустить ее на воду. Я тоже хотел пробиться к шлюпке, но кто-то так толкнул меня, что я чуть не угодил за борт. Раздалось несколько хлопков, будто вылетели пробки из пивных бутылок. Полоснула зеленая молния, и я увидел капитана с пистолетом в руке.

Им удалось спустить шлюпку. Она то проваливалась в черную пропасть, то подлетала выше борта. В шлюпку то и дело бросались матросы, но мало кому удалось остаться в ней. Я видел, как поднялась на волне шлюпка, по ее бортам, ухватившись за планшир, свешивались два человека, голые по поясу, а капитан колотил по их рукам рукояткой пистолета. Когда шлюпка спустилась, я прыгнул в нее. И тотчас же полетел за борт, получив удар в живот. Удар был не особенно сильным, не то мне не пришлось бы рассказывать эту историю. Ласковый Питер, наверное, уже устал к тому времени, он просто толкнул меня со скользкой банки, и я полетел вниз головой в черную воду.

Когда я вынырнул и взмахнул рукой, то больно ударился об обломок одной из разбитых волнами шлюпок.

Грохотал гром, молнии вспыхивали и гасли над озверевшим океаном.

Мне было страшно, очень страшно. Я не знал, куда меня несут ветер и волны. Что, если куда-нибудь в сторону от островов? Да и острова не сулили особой надежды. Возле них множество рифов, пона-

строенных кораллами, они окружают атоллы непроходимыми барьерами. Наверно, приходили мысли и об акулах. Не помню сейчас. Но я боролся с волнами и ветром и не думал сдаваться.

Обломок шлюпки оказался очень вертким, он выскальзывал из рук, и я, захлебываясь, ловил его в темноте. Мне везло. В конце концов я крепко ухватился за шпангоут. Несколько раз при свете молний я видел капитанскую шлюпку на гребнях волн. Но я не кричал, не просил о помощи, зная, что это бесполезно.

Наверное, прошло много часов, пока в шуме дождя, свисте ветра и плеске волн я услышал глухой рокот. Молния осветила океан, и за это мгновение я увидел фиолетовую полосу прибоя.

Сидя утром на берегу, я посмотрел на риф, и дрожь пробежала у меня по спине. Оттуда и сейчас, в полный штиль, доносился такой грохот, что казалось, океан задался целью разбить, стереть эту преграду и посылал на нее бесконечные гряды гигантских валов. На добрую сотню метров взлетала к небу водяная пыль, и в ней дрожала яркая радуга.

Видимо, я перелетел через риф на гребне девятого вала.

Возле берега, слегка покачиваясь, плавали несколько досок, большой ящик, буй да обломок шлюпки, спасший меня от гибели. И это было все, что осталось от нашего «Ориона». Положение мое было гораздо хуже, чем у Робинзона Крузо, которому достался корабль, набитый добром, к тому же Робинзон был человеком с большим жизненным опытом,

мне же за неделю до катастрофы пошел семнадцатый год. Но в те минуты я не думал о преимуществах своего предшественника. Я просто был счастлив, что сижу на сахарно-белом песке, что над моей головой шелестят своими жесткими листьями кокосовые пальмы. Мне сильно захотелось пить. Я встал, прошел несколько шагов и увидел кокосовый орех, он был очень большой, с глянцевитой коричневой кожурой. Я сунул руку в задний карман брюк и вытащил нож, подарок дядюшки Ван Дейка. Это был отличный нож из нержавеющей стали. Стоило нажать на пружину, как он со звоном выскакивал из рукоятки, острый как бритва.

Орех оказался очень легким. Кто-то высверлил в нем аккуратную круглую дырочку и выел все содержимое. Еще несколько орехов, которые валялись неподалеку, тоже были пустыми. Только после долгих поисков мне попался целый орех, я срезал у него макушку и стал было пить сок, но тут же выплюнул кислую неприятную жидкость. Видно, за хорошими орехами надо забраться на пальму, но я чувствовал, что не смогу этого сделать, пока не напьюсь и не поем. Наконец мне посчастливилось найти орех с необыкновенно приятным соком, по вкусу напоминающим лимонад, было в орехе и очень вкусное ядро. Я не успел покончить со своим завтраком, как зашуршал песок: огромный краб тащил волоком кокосовый орех.

«Не он ли просверливает дырочки?» — подумал я.

Краб подтащил орех к норе шагах в десяти от меня. Вокруг норы было много волокна от кокосовых орехов и скорлупы. Остановившись, краб начал клешней, как ножницами, срезать волокнистый пан-

цирь. Делал он это довольно быстро. Освободив орех от волокна, краб оставил его на песке, а сам задом полез в нору. На острове водилось множество крабов, и возле каждой норы я видел волокно и скорлупу, но ни разу мне не удалось подглядеть, как этот краб-«стригун» вскрывает жесткую скорлупу. Много позже я догадался, что эту работу он оставляет жаркому солнцу. Оно так высушивает скорлупу, что та лопается.

Я поднялся на холмик, чтобы оттуда осмотреть береговую полосу, в надежде увидеть еще кого-либо из команды шхуны. Мой остров, как и все атоллы, мимо которых мы проходили на «Орионе», был низкий, поднимался он над водой всего на пять-шесть метров. С такой высоты не такой уж большой обзор, надо было влезть на пальму. Мне приходилось видеть, как это делают жители островов, и самому взбираться на пальмы. Это легче, чем лазать по канату, на стволе у пальмы есть круговые наросты и на них можно ставить ноги, как на ступеньки. Конечно, нужен навык. Лучше всего влезать на пальму, когда лоджки соединены кольцами из веревки, чтобы ноги не разъезжались, но под руками у меня не было такого приспособления.

Чем выше я поднимался, тем сильнее посвистывал в ушах пассат. На вершине пальмы уже находились верхолазы — несколько огромных крыс, они напугали меня страшно, когда с писком бросились навстречу и стали спускаться по стволу. Как они попали на этот необитаемый остров? Наверное, тоже спаслись с какого-нибудь корабля. Оказалось, что это они просверливают дырочки в орехах: на пальме больше половины орехов были с такими дырочками.

Ухватившись за жилистые черенки листьев, я стал осматривать атолл. Он оказался сравнительно небольшим, вытянутым с запада на восток кольцом, поросшим кокосовыми пальмами и кустарником. Пальмы поднимались и прямо, как колонны, и торчали вкривь и вкось. Посредине кольца сверкала голубая лагуна. На востоке, в самом тонком месте, океан промыл довольно широкий канал.

Я долго просидел на вершине дерева, напрасно вглядываясь в голубоватый песок островка и принимая кусты и длинные утренние тени от стволов пальм за одного из своих товарищей по несчастью.

А вокруг расстился бесконечный, унылый океан. Где-то в непомерной дали от островка находилась Москва, моя Родина, мой дом. Там, может быть, еще ждут меня мама, отец, брат. Ребята вспоминают меня. Вот уже скоро будет два года, как я стараюсь добраться домой, а получается так, что чужие ветры все дальше и дальше уносят меня от родных берегов.

Далеко, у самого горизонта, я увидел островок. Он показался мне таким маленьким, затерянным среди океана, что у меня невольно сжалось сердце, должно быть потому, что и я в эту минуту показался себе таким же крохотным, затерянным среди необъятного мира.

Невзгоды научили меня прогонять приступы уныния.

Мне ведь так повезло, стал утешать себя. Остров, что надо. Еды здесь сколько угодно. Правда, у меня нет спичек, чтобы жарить рыбу, но я видел на мелководье множество съедобных ракушек. Буду пить кокосовый сок, есть ядра кокосовых орехов. А если

мне удастся смастерить острогу, то у меня всегда будет свежая рыба. Ее здесь так много, что невозможно промахнуться, только бросай острогу в воду, и она кого-нибудь да наколет. Так по крайней мере мне тогда казалось. Рыбу можно будет солить: я заметил кристаллики соли на шероховатых коралловых глыбах, или вялить, как это делают рыбаки в Сингапуре. А там приедут сборщики копры. Дядюшка Ван Дейк говорил, что все эти необитаемые островки раза три в год посещают жители больших островов, что у каждой пальмы есть хозяин. Созрев, орехи падают на землю, их собирают, раскалывают, выковыривают белую сердцевину — это и есть копра, из которой выжимают кокосовое масло. Сборщики должны, вероятно, приехать очень скоро, так как на песке лежало множество орехов. И вдруг со сборщиками копры приедет на катамаране дядюшка Ван Дейк! Ведь он мог доплыть до того крохотного островка, я верил, что если ему это удалось, то он станет разыскивать меня...

Мир снова показался мне удивительно хорошо устроенным для таких неунывающих людей, как я.

Прежде чем спуститься на землю, я с большим трудом срезал несколько самых крупных орехов, они падали вниз, как бомбы, поднимая сверкающие облака песчинок. Прилив только начался, и между барьерным рифом и берегом острова местами было довольно мелко. Из воды поднимались красные, серые, пестрые глыбы кораллов. Они были удивительно красивы на фоне белого прибоя и синей воды. Я стал бродить по воде, подсучив свои полотняные штаны. От меня шарахались в стороны стайки разноцветных мальков. Крабы, услышав мои шаги,

бочком удирали в щели или заросли водорослей. Стайка крохотных рыбок метнулась в сторону и застыла между длинными колючками колонии ежей. Тут они были в полной безопасности, ни одно живое существо не рискнет сунуться в этот ядовитый ча-стокол. Однажды, еще во время первого рейса на «Орионе», когда мы ходили на Соломоновы острова, на одной из стоянок я наступил на такого ежа и неделю ковылял по палубе на распухшей ноге. Спасибо дядюшке Ван Дейку, он вылечил меня каким-то местным средством.

Я стал осторожно ступать ногами, обходя ежей, трещины и особенно густые водоросли. Мне повезло найти с десяток жирных улиток. Это был сносный завтрак в моем положении. Морские улитки напоминают устриц, и их можно есть сырыми. Позавтракав на глыбе коралла, я пошел по берегу, намереваясь обойти весь остров. В воде, у самого берега, лежала раковина необыкновенной красоты — золотистая, в черных крапинках. Полюбовавшись находкой, я сунул ее в карман. Вскоре я заметил в воде спасательный круг с нашей шхуны, он был мне совсем не нужен, но недалеко от него плавал обломок реи с остатками паруса. Вот это-то могло пригодиться. Клок парусины оказался порядочным, из него выходила палатка и оставалось еще для одеяла. И в тропиках бывают прохладные ночи. Разостлав мокрую парусину на песке, я направился дальше и не нашел ничего, кроме пустой клетки, в которой мы держали на баке кур. Дверцы у нее были выбиты, и, видно, курами давно полакомились акулы. Подумав об этом, я невольно вздрогнул, представив себе участь своих несчастных товарищей. Все они, кроме

капитана, относились ко мне очень хорошо, особенно дядюшка Ван Дейк.

— Не вешай носа, парень, — говорил он мне, — ты своего добьешься. Настоящий человек всего добьется. — Он лукаво щурил глаза — подмаргивал: — Даже может стать английским королем. Все дело, парень, во времени и в упорстве. Главное, не поддаваться ни судьбе, ни противнику, будь то хоть сам дьявол. Ты вот улыбаешься: почему, мол, сам старый дельфин не стал королем? Вижу по глазам, что так думаешь... Я, парень, тоже не так прост, как кажусь с виду. Вот еще годик похожу на этой бригантине и подамся домой, буду выращивать тюльпаны и рассказывать внукам разные истории. Это, брат, лучше, чем сидеть в Лондоне в королевском замке...

Западная часть у атолла была самой широкой — метров полтора от берега океана до лагуны. Здесь пальмы росли гуще и прямей.

Я облюбовал место для своей палатки на берегу лагуны. По закопченным глыбам коралла было видно, что здесь останавливаются сборщики кокосовых орехов. Тут валялись несколько пустых банок из-под консервов, осколки бутылок. Довольно высокий берег и пальмы защищали это местечко от постоянно дующего ветра. Когда я вернулся за обрывком паруса, он уже высох и побелел от жаркого солнца и крупинки соли. Размочалив волокно кокосового ореха, я смел всю соль в кучку, ее оказалось очень мало, не больше наперстка. Но теперь я мог ее добывать сколько угодно, а ту, что собрал, ссыпал в обрывок парусины и спрятал в карман.

Перетащив парусину на облюбованное место, я ножом выкроил из нее полотнище для палатки, и,

как и предполагал, у меня остался еще большой кусок, чтобы укрыться им ночью. На берегу, со стороны барьерного рифа, нашлось несколько палок, кусок веревки, все это помогло мне установить палатку. Из сухой морской травы и кокосового волокна получилась великолепная постель.

Оборудовав свое жилище, я собрал с десятков кокосовых орехов и сложил их возле палатки, затем стал исследовать лагуну. Вода в ней была так чиста и прозрачна, что я видел дно на большой глубине, солнце стояло над головой, и каждая водоросль и каждый коралловый куст были залиты ярким светом. В щелях между глыб застыли омары, высунув из своего укрытия полосатые усики. Пестрые, как бабочки, рыбки стайками вились возле огромных анемонов, похожих на яркие цветы, что-то склевывали с ветвей голубых кораллов, носились, как будто играли в пятнашки. Проплывали ярко-желтые рыбы, раскрашенные черными полосами, голубые, с желтыми головами и плавниками. Вот показался и знакомый — огромный окунь, мелочь метнулась под защиту коралловых ветвей, окунь, даже не взглянув на мелюзгу, подплыл к колонии морских ежей и стал обкусывать и выплевывать колючки с одного из них. Когда осталось круглое тельце без единой колючки, он его съел и принялся ощипывать другого ежа. Пронеслась золотистая макрель, потом показалось противное извивающееся существо, похожее на налима, только длиной метра в два. Проплыла акула с таким видом, будто ее совсем не интересует вся эта разнообразная живность.

Глядя на стаи рыб, я пожалел, что в кубрике «Ориона» остался мой берет, в подкладке которого

было три рыболовных крючка. Но тут мне снова пришла мысль об остроге. На берегу я видел тонкий ствол бамбука с пучком желтых листьев на макушке — его принесло сюда течением с какого-то острова.

«Если его заострить, то выйдет подходящая острога», — размышлял я, направляясь к берегу океана. Когда, захватив ствол бамбука, я возвращался к палатке, то, не веря глазам, увидел на мокром песке следы больших подошв. Кто-то недавно прошел в ту часть атолла, где я выбрался из воды. Человек тоже ел улиток: раздавленные их домики валялись на песке. Я побежал по следу, стал кричать, но прибой на барьерном рифе заглушал мой голос. Скоро я потерял след. Человек вышел на сухой песок, и пассат успел заровнять его следы.

Но я ликовал. Теперь у меня был товарищ, вдвоем куда легче будет коротать дни на необитаемом острове. Я стал припоминать, у кого на шхуне были такие огромные ступни. У негра Чарльза? Да. Но тот на шхуне всегда ходил босиком и только в порту надевал гигантские лаковые туфли. Большая нога была и у рулевого Нильсена, высокого молчаливого человека с глазами на выкате; дядюшка Ван Дейк тоже носил сандалии чуть поменьше туфель Чарльза. Подойдя к каналу, соединяющему лагуну с океаном, и не найдя никого, я повернул назад и, наверное, часа два потратил на безуспешные поиски, обойдя весь атолл.

Когда я вернулся к своему жилищу, то увидел, что из палатки торчит пара босых ног, а на песке валяются желтые сандалии. Как хорошо я знал эти проклятые сандалии! Сколько раз человек, которому они принадлежали, бил меня ими по лицу...

Поединок

Все эти часы, проведенные на острове, где-то в глубине души я надеялся, что дядюшка Ван Дейк тоже спасся и я встречу с ним. И вот вместо доброго, милого для меня человека в живых остался злой и жестокий.

В первый день плавания капитан позвал меня к себе в каюту. Он сидел, развалившись в кресле, привинченном к палубе, вытянув ноги так, что я остановился в дверях у порога.

— Так ты, оказывается, русский?

— Да, я русский.

— Проклятый кок не сказал мне об этом, а то бы тебе пришлось подыхать с голоду на берегу. — Он смотрел на меня ледяными глазами.

Я стоял, переминаясь с ноги на ногу, поняв, что, не зная сам этого, подвел дядюшку Ван Дейка.

— Кок не знал, что я русский.

Капитан усмехнулся.

— Тебе не удастся его выгородить. Но ты не думай, что он взял для тебя билет на прогулочную яхту. — Капитан сбросил с ног сандалии. — Надеюсь, ты знаешь, что с ними надо делать. Или в красной России каждый сам себе чистит обувь?

— Да, там каждый сам чистит обувь.

— Заткни свою глотку! Говори: «Есть, капитан», — и все! Понял?

— Хорошо, есть, капитан!

— Пошел вон!

Когда я принес ему вычищенные сандалии, он по-

вертел их в руках, улыбнулся, поманил меня к себе пальцем. Обрадованный, что все-таки растопил его черствое сердце, я подошел поближе. Он размахнулся и ударил меня подошвой по щеке. Это несправедливое наказание так ошеломило меня, что я застыл, держась за щеку рукой.

Капитан улыбнулся и спросил таким тоном, будто ничего особенного не случилось:

— Ты знаешь, за что я тебя ударил?

Я помотал головой:

— Нет, капитан.

— Исключительно с педагогической целью, чтобы ты знал, что в любой момент я могу оторвать тебе голову или швырнуть за борт акулам. Можешь идти и, учитывая это, исполнять свои обязанности. — На его добродушном лице светилась такая добрая улыбка, было такое участие, что я подумал: не показалось ли мне все это? Но тут я встретился с его глазами, холодными, чужими на этом лице-маске, и все мои сомнения рассеялись.

...Дядюшка Ван Дейк подергал себя за серьгу в ухе, потом схватился за бороду и сказал:

— Не думал я, что так получится. Все-таки он мне казался не таким подлым человеком. Наверное, и правда, что он служил у нацистов, тут ходят слухи. Эти выродки ненавидят вас, русских. Вы им повыщипали перья. Но ты не вешай носа на фальш-борт. Вот пойду сейчас и скажу ему, что ты мне как сын! Ну, если получишь пару оплеух, то это пустяк. Мне тоже влетало по первое число, когда был юнгой...

Я мыл посуду, а он рассказывал, как служил юн-

гой на пароходе, который доставлял из Англии кое-куда контрабандой опиум, и какой зверь был у них старший помощник.

— Он тоже грозился сбросить меня за борт. Но, видишь, ничего не получилось, — заключил он и похлопал меня по плечу. — Все же будь начеку. Не давай ему никаких поводов. — Он вытащил карманные часы. — Ого, пора нести сэндвичи и виски. Постой, я это сделаю сам.

Вернулся кок с подбитым глазом.

— Ничего, парень. Я его предупредил, что акулы едят не только матросов и юнг... Глаз — это пустяк, он просто смазал меня так, ну, чтобы поддержать свое звание. Все-таки капитан...

Помолчав, дядюшка Ван Дейк сказал мечтательно:

— Кончим этот рейс, получишь ты свои деньги. Насчет этого не беспокойся, рассчитается пенни в пенни. Я тоже кончаю болтаться в этом парном море. Поедем вместе ко мне домой. Погостишь, а потом и подашься на Родину...

Проходили дни и ночи на «Орионе». Я старался вовсю. Капитан улыбался и говорил ласково:

— Из тебя мог бы выйти неплохой матрос, если бы... — при этом он кивал за борт и улыбался.

— От его улыбки прямо мороз по коже, — говорили в матросском кубрике.

— Такой из костей родного отца домино сделает.

— Ты, парень, не особенно задирай форштень, — учили меня, — на море капитан, да еще на таком корабле, как наш, выше самого господ бога.

Бывали случаи, когда днем был человек, а ночью — весь вышел...

— Таких надо в тюрьму сажать, — сказал я.

Матросы захохотали, а когда смех стих, кто-то с верхней койки сказал:

— Эх, бедняга, ты совсем не знаешь жизни. Раз-ве можно у нас идти против капитана! В лучшем случае останешься без работы, а ему все равно ничего не будет...

Я стоял и смотрел на желтые, потерявшие блеск, сморщенные теперь сандалии. Во мне все кипело. Припоминались все обиды. Я решил, что больше не буду подчиняться ему и даже скажу, чтобы убирался из моей палатки. Тут я вздрогнул: в палатке зашуршала морская трава, затем я услышал протяжный зевок и голос. Он говорил так, будто ничего не изменилось.

— Эй, кто там?

Я промолчал.

— Ты что, глухой, скотина!

Я не отозвался и на этот раз.

Он сел и высунулся из палатки. За ночь лицо его осунулось и обросло ярко-рыжей щетиной. Увидав меня, капитан усмехнулся:

— Фома! Вот радостная встреча! Мне показалось, что мое предсказание сбылось, ты наконец-таки попал в брюхо к акулам, как твой покровитель Ван Дейк. Не горюй, это от тебя не уйдет. — Он помолчал, насмешливо рассматривая меня ледяными глазами, потом спросил. — Ты что, забыл свои обязанности? Вода прополоскала твои мозги? Ну, живо! Туфли!

Мне стыдно вспоминать про эти позорные минуты. Вся моя воля, решимость куда-то делась. Или это сказалась сила привычки, но я нагнулся, взял сандалии и подал их ему.

Он сказал:

— Мне плевать на то, что ты думаешь обо мне. Но ты — мой слуга, и я научу тебя подчиняться! Этот паршивый остров остается для тебя кораблем, а я капитаном. Запомни это! Подойди ближе! Ну! — Он размахнулся сандалием.

Я отскочил.

Тогда он сказал, надевая обувь:

— В следующий раз получишь вдвойне. А теперь пойди и принеси мне завтрак, я не ел весь день. Пару орехов. Лучше всего, если ты сорвешь вон те. Да поищи, чем их вскрыть. погоди! — сказал он, застегивая пряжки сандалий. В его голосе была непоколебимая уверенность, что я со всех ног брошусь исполнять его приказание. — Тут недалеко, — продолжал он, — я чуть не напоролся на гвозди, торчат из шпангоута. Гвозди медные, выдерни, будут вместо ножа, а шпангоут уберу с дороги. Кто-то до нас, лет за пятьдесят, тоже потерпел здесь аварию, теперь не делают таких гвоздей. Ну, живо!

Я стоял, не двигаясь, смотрел в его белесые, змеиные глаза, и во мне что-то твердело, исчезал страх. Краска стыда залила мне лицо, когда я подумал о своей последней лакейской услуге этому человеку.

Он почувствовал происходящую во мне перемену и, так же улыбаясь, вытащил из кобуры висевший на поясе парабеллум. Подбросив его на ладони, он спросил:

— Ну, будут орехи?
В горле у меня пересохло.

— Нет... Не будет орехов. Все!

— Бунт? Ха-ха! Я же убью тебя. Нет, я буду стрелять в живот, затем спихну в воду, вон той красавице. — Гладкую поверхность лагуны разрезал острый плавник акулы. — Последний раз предлагаю: либо ты будешь служить мне, как собака, либо... — он направил на меня

пистолет, — подойди, получишь пару затрещин в наказание, и мы покончим на этом.

До него было не больше пяти шагов. Потупясь, я стал подходить к нему.

— Ну вот и уладили восстание на атолле, — он стал снимать сандалий.

В это время правой ногой я пнул его по руке с пистолетом. Вернее, хотел пнуть, да промазал. Он разгадал мой замысел. С необыкновенной быстротой Ласковый Питер откинулся в сторону и вскочил, пытаясь нанести мне удар в лицо. Я так же увернулся, и он, потеряв равновесие, чуть не угодил в лагуну. Он стоял, вскинув руку с пистолетом, балансируя на одной ноге на глыбе коралла, и смотрел в воду. Я увидел на его лице ужас. К берегу плыла акула, ее можно было разглядеть всю, словно отлитую из меди; казалось, и она смотрит на Ласкового Питера и ждет. Мне стоило только чуть-чуть подтолкнуть его. Но я не сделал этого. В те несколько секунд, глядя на его искаженное страхом лицо, я даже испугался за него и протянул было к нему руку, чтобы поддержать. Но в это время он поборол силу, толкающую его в пасть к акуле, и spryгнул на песок.

Тяжело дыша, капитан поспешно отошел от воды. Пот каплями катился по его побелевшему лицу. Повернулся ко мне и, целясь в живот, нажал на спусковой крючок. Пистолет, это был «вальтер», не выстрелил.

Ласковый Питер выбросил патрон. И опять только что-то скрипнуло в пистолете. Бормоча ругательства, он стал вытаскивать обойму. Я нагнулся, схватил горсть песка и швырнул ему в глаза. Он закрыл

глаза рукой и старался зарядить обойму, а я все швырял и швырял ему в лицо песок. Все-таки ему удалось перезарядить пистолет, но тот опять не выстрелил. Видно, в него набилось песку. Поняв это, капитан стал гоняться за мной вокруг палатки и между пальм. Но тут преимущество было явно на моей стороне. Я легко увертывался от него и несколько раз угодил в него кусками коралла. У него были рассечены лоб и щека. Наконец он остановился, тяжело дыша и пожирая меня ненавидящим взглядом.

Так мы стояли с минуту, отдыхая и оценивая силы друг друга. Конечно, он был сильнее меня, пока не выдохся, и мне пришлось бы худо, попадись я ему тогда в руки, но сейчас, пожалуй, я справился бы с ним. На «Орионе» я часто боролся с матросами и не редко выходил победителем, умел и боксировать. Но о честной драке с этим негодяем не приходилось и думать, и поэтому я с опаской поглядывал на его волосатые руки.

Он уже дышал ровно и зловеще улыбался. Теперь силы были опять на его стороне. И он, понимая это, стал медленно подходить ко мне. Только тут я понял, в каком трудном положении оказался: позади меня была лагуна, слева коралловая глыба, уйти я мог, только бросившись прямо на противника, а он уже замахнулся «вальтером», как молотком, целясь мне в голову.

— Ну вот и тебе крышка! Теперь ты не уйдешь! — злорадно шептал он, подступая ко мне.

Как быстро работает голова в такие минуты!

У меня появилось с десяток вариантов, как вырваться из этой ловушки, но все они никуда не годились. И тут я вспомнил про нож. Выхватил его из

кармана. Щелкнула пружина, выбрасывая лезвие. Я стал подходить к нему мелкими шагами.

Он сказал свистящим шепотом, тараща глаза:

— Ты сошел с ума! Тебя же повесят за это! Убийство капитана! Уйди! Хватит. Я погорячился. Я же знал, пистолет испорчен. Только хотел тебя напугать. — Глаза его стали обыкновенными, человеческими, умоляющими.

Он врал, я знал это, но у меня не поднялась рука на него — жалкого, трясущегося от страха.

— Бросьте пистолет!

— Пожалуйста. Сейчас им только заколачивать гвозди или разбивать улиток. — Он бросил «вальтер» себе под ноги. — Бери, если хочешь. Я дарю тебе его. Ты держался совсем не плохо. Я не знал, что ты такой. Давай жить как добрые соседи, как достойные белые люди. Вот. — Он отступил на полшага и протянул руку. — Давай скрепим нашу дружбу крепким пожатием!

У меняхватило ума не пойти на эту предательскую уловку. Дядюшка Ван Дейк показывал мне этот прием. После такого «дружеского» пожатия можно было остаться без руки и оказаться в лагуне, не помог бы и нож.

— Ну, дай же мне твою руку! — Он чуть подогнул ноги, готовясь к прыжку.

Я сказал:

— Ничего у вас не выйдет, я и этот прием знаю. Можете только получить нож в бок.

Он оперся руками о колени и покачал головой.

— Нехорошо не верить честным намерениям.

Теперь он замышлял что-то новое, хотел припомнить какой-то незнакомый мне прием. Я сказал:

— Если вы прыгнете, то нож войдет вам в брюхо.

Он усмехнулся:

— Ты не терял время на «Орионе». Но что же мы будем делать? Вот так стоять целый день?

— Как хотите. Но если вы нападете, то пощады не будет. Это знайте!

— Хорошо, мой благородный друг. Я учту это. — Он поднял пистолет. — Все-таки надо бы позавтракать. У меня закружилась голова с голоду. Как насчет орехов? Давай устроим пиршество по случаю перемирия!

— Пируйте один. — Я подошел к палатке, сорвал ее с кольев, взял и «одеяло».

— Ты уходишь? — спросил он, и желваки заходили на его скулах. — Чем тебе не нравится это прелестное место?

— Тем, что вы здесь.

— Окончательный разрыв?

— Да! И попробуйте только сунуться на мою сторону!

— Так, так... — он стал ругаться, угрожать.

Посматривая на него, я сворачивал парусину.

Ласковый Питер передохнул, помолчал и сказал с возмущением:

— Но мне будет холодно ночью! Вдруг пойдет дождь.

— Не мое дело, — сказал я и швырнул ему «одеяло».

Удалялся я от него, переполненный гордостью и радостью победы. Как бы я хотел, чтобы дядюшка Ван Дейк видел наш поединок!

Под чужими звездами

Как хорошо мне было шагать по берегу океана, держа в одной руке палатку, в другой бамбуковый шест, найденный мною для остроги. Возле воды песок был влажный, утрамбованный волнами, и кусочки коралла и острые обломки раковин не резали подошвы моих босых ног.

Солнце давно перевалило через атолл и готовилось опуститься в синюю воду. Я спешил уйти подальше от своего первого лагеря и выбрать место для ночлега. Очень хотелось есть, надо было сорвать пару кокосовых орехов до того, как солнечный диск коснется воды. Ведь в тропиках почти не бывает сумерек. Скроется солнце, запылает небо алыми и золотыми красками. Небесный пожар быстро гаснет, воздух сереет, будто все предметы заволакивает дымкой, зажигаются звезды, и внезапно наступает черная тропическая ночь.

Чтобы как-то излить радость победы, все еще бурлившую во мне, я стал насвистывать залихватский мотив песенки, которую в веселые минуты распевал Чарльз, аккомпанируя себе на банджо. Песня была про жестокого капитана, с которым расправились моряки. Все, что в ней говорилось, как нельзя лучше отвечало моему настроению, и я запел:

Много раз плясали мы на рее
С пеньковым галстуком на шее.
Пусть теперь попляшет он, ребята,
Вздернем мы сегодня старого пирата!

Перед самым моим носом просвистел орех и шлепнулся о песок. Я отскочил и поднял голову, из кроны

пальмы вылетел второй орех и упал рядом. Орехи были недозрелые, с темно-зеленой корой, такие сами не падают. Кто же их срезал? Именно срезал! Я видел, что срез на толстой плодоножке был косой и гладкий.

Опять сердце у меня застучало тревожно и радостно: «Неужели еще кто-то спасся?»

Я стал кричать какую-то мешанину из слов на разных языках, все, что застряло у меня в голове при общении с китайцами, индонезийцами, малайцами, полинезийцами, неграми, французами и англичанами. Здесь были и «здравствуйте», и «добрый вечер», и «как вы поживаете», словом, я выложил все свои скудные знания языков, а когда остановился передохнуть, то из кроны пальмы вылетел еще один орех.

Наконец показалось и существо, швырявшее орехи. Оно поспешно спускалось вниз головой по наклонному стволу пальмы. Это был краб — кокосовый вор, точь-в-точь как тот, что повстречался мне утром. Подняв пару орехов побольше, довольный, что не надо взбираться на пальму, я пошел дальше и скоро выбрал место для ночлега.

Для лагеря мне приглянулось местечко в кустарнике. Отсюда хорошо был виден противоположный берег лагуны. Солнце, коснувшись краем воды, казалось, все свои лучи направило на Ласкового Питера, он сидел на глыбе коралла и ритмично поднимал и опускал руку. Над водой разносились глухие удары.

Это он готовил ужин. И мне стало весело, когда я представил себе, как он, размочалив кокосовый орех, будет есть кашицу, смешанную с волокном.

«Вот что значит всю жизнь сидеть на чужой шее и получать все готовенькое», — думал я, срезая

ножом макушку у своего ореха. В нем оказалась мякоть, напоминающая вкусом яблоко.

Песок был теплый. Бамбуковой палкой я вырыл в нем углубление, расстелил в нем парусину и разлегся, глядя в потемневшее небо. Там между медленно покачивающихся крон пальм вспыхивали, как светильники, крупные, разноцветные звезды. Посвистывал никогда не отдыхающий пассат, на той стороне лагуны урчал прибой. Пищали крысы. Краб волочил по песку орех к своей норе. Глаза у меня слипались. Я уснул, как провалился в бездонную яму.

Проснулся я от «холода». Было, наверное, не меньше двадцати градусов по Цельсию, но за месяцы моих скитаний в тропиках я привык к жаркому солнцу, и теплая ночь казалась мне прохладной. Завернувшись поплотней в парусину, согрелся, но сон больше не шел ко мне. В голову полезли безотрадные мысли, навеваемые темнотой и одиночеством.

Прямо над головой у меня горел Южный Крест. В тропиках звезды кажутся необыкновенно большими. Млечный Путь был похож на барьерный риф, о который разбиваются невидимые волны, и брызги от них горят и переливаются на черно-синем океане. Но это были чужие звезды, чужое небо. Как мне хотелось в ту ночь увидеть наше русское летнее небо, когда на нем всю ночь тлеет заря, и оно само и голубое и нежно-зеленое, а звезды какие-то особенные, теплые и ласковые.

Последний раз я видел такое небо, когда был с ребятами в ночном. Мы пасли одного-единственного коня, которого удалось уберечь от гитлеровцев. Днем мы его держали в ельнике, а ночью выводили на луг к речке, спутывали, и наш Громобой наедался до от-

вала сочной травы. Сеня Лугин, Петя Козлов и я коротали ночь возле крохотного костра в густом ивняке, делясь новостями. Шел третий год войны, я тогда уже немного знал немецкий язык и подслушивал разговоры немецких солдат о положении на фронтах. Сеня был связным у партизан и, когда возвращался из леса, передавал нам выученные наизусть сводки Советского информационного бюро.

В ту ночь Сеня говорил:

— Досидите вы до того, что кончится война и никто из вас пороку не понюхает. Шли бы в партизаны, пока не поздно. Может, медаль или орден тоже бы заработали. Мне дядя Левашов обещал. «Я, — говорит, — уже на тебя реляцию написал».

— А что это такое — реляция? — спросил Петя.

— Бумага, где все мои подвиги расписаны.

— Тебе хорошо, — сказал Петя, — у тебя родня в отряде, дядя! Мы к нему вот с Фомкой сунулись в прошлом месяце, так он нас так наладил, чуть без ушей не остались.

— А вы в другой отряд. Мало ли у нас отрядов.

Петя предложил самим создать партизанский отряд и для начала взорвать понтонный мост через Припять.

— Неплохое дело, — сказал с грустью Сеня, — да командир даст мне такого моста. Уж лучше вы вдвоем действуйте, а я вам взрывчатку достану и бикфордова шнура...

Так и не удалось нам взорвать мост через Припять. Утром, когда мы после бессонной ночи спали под тулупом у потухшего костра, на нас наткнулись немецкие солдаты из цепи, посланной прочесать лес и выловить партизан. Нас привели в деревню, не

в нашу, а в соседнюю, там на площади возле церкви было много и ребят и взрослых, окруженных автоматчиками. Голодные, мы стояли там до вечера, к нам никого не подпускали. Взрослых по одному уводили в школу на допрос. В толпе я видел маму и бабушку.

На площади стоял глухой шум. Люди плакали, просили. Я не отрываясь смотрел на маму. Она что-то говорила эсэсовцу из конвоя, он оттолкнул ее, а когда она схватила его за руку, то наотмашь ударил автоматом по лицу.

Часов в семь вечера из школы вывели шесть старых колхозников, учительницу и высокого молодого человека в очках, поставили к церковной стене и расстреляли. Потом нас заставили сесть в грузовики и куда-то повезли. Я ехал один с незнакомыми людьми, Сеня с Петей попали в другую машину. На первой же остановке они решили бежать. Сене удалось скрыться, а Петю убили. Он лежал возле дороги, мертвый, с окровавленным лицом. Над Петей бесшумно проносились стрижи.

К Пете подошел фашистский офицер, пнул мертвого ногой и стал говорить, мешая русские и немецкие слова, что за побег каждый будет наказан, как Петя. Говорил эсэсовец так, будто очень огорчен тем, что Петю пришлось наказать. Эсэсовец много раз беззлобно повторял это слово «наказать», словно за непослушание собирался поставить нас в угол или оставить без обеда. На моих трудных дорогах встречалось много плохих людей, и все они чем-то напоминали того эсэсовца. Был похож на него и Ласковый Питер. Вероятно, все плохие люди похожи друг на друга, хотя разобраться в них и нелегко.

Машины покатили по Минскому шоссе, а Петя остался лежать на пригорке у дороги.

Утром нас набили в товарные вагоны и повезли в Германию. Страшный этот путь окончился невольничьим рынком. Помню, как я смахивал слезу, читая «Хижину дяди Тома», и вот теперь меня самого осматривал и ощупывал бауэр, худенький седенький старикашка. Он взял меня батраком, видно, из тех соображений, что ходить за скотиной он заставит меня, как взрослого, а кормить будет, как мальчишку.

Так оно и получилось. Через месяц я убежал от него. Сначала я пошел на восток, но один военнопленный, работавший на свекольном поле, посоветовал пробираться во Францию.

— Сейчас на востоке плотный фронт, прибьют, как муху, а не то в лагерь попадешь, там хуже смерти. Иди-ка ты, брат, к французам. Франция, мне один из наших говорил, отсюда не больно далеко, ты же мальчишка, да и по-немецки балакаешь, может, и выйдет дело. Ты к морю норови, может, в Англию попадешь, а там уж дело другое. Только действуй смелей. Эх, мне бы твои года!..

Военнопленный был уже пожилым человеком, взяли его раненым под Минском. Солдат дал мне вареную брюкву и кусочек хлеба, видно весь свой обед.

Мне сильно помогало знание немецкого языка. Моя мама преподавала немецкий в школе, и я учил его лет с шести. Говорил все же я не настолько хорошо, чтобы меня можно было принять за немца. И все-таки меня не выдал никто из тех людей, к которым мне приходилось обращаться за помощью. Это были и взрослые и ребята. Никогда не забуду я Вилли Крафта.

Познакомились мы с ним недалеко от французской границы. Я шел всю ночь, а на день устроился в его саду. Была осень. Я наелся яблок и лег спать в малине у изгороди. Ночью малинник мне показался довольно густым, и я надеялся проспать в нем весь день. Проснулся я в полдень. Меня разбудил Вилли.

— Простите! — сказал он. — Не лучше ли вам пройти в дом? Земля уже довольно сырая...

В доме нас встретила мать Вилли. Увидав меня, она всплеснула руками и заплакала.

— Боже мой, боже мой, — повторяла она, торопливо накрывая на стол, — что же происходит на свете! Что происходит!

За обедом я все рассказал им.

— Мама! — Вилли оглянулся по сторонам и прошептал: — Мама, что, если мы скажем, будто к нам приехал Отто?

— Надо подумать. Надо подумать, мой мальчик.

Вечером Вилли влетел в мансарду, где они укрыли меня, и, ликуя, сообщил:

— Ты остаешься, Фома! Мама согласна! Сейчас я все расскажу тебе про Отто и его родных и знакомых. Он отличный парень, этот Отто. К счастью, он не был у нас лет семь. Его никто из соседей не помнит. Я же только вернулся от них...

Я не мог остаться. Перед моими глазами стояли Петя, Сеня, отец. Никто из них не одобрил бы мой трусливый поступок. Я сказал об этом Вилли.

— Да, да, я понимаю тебя. — Он стиснул мою руку. — Так поступил бы и я!

Весь вечер и следующий день мы намечали маршрут моего путешествия, используя для этой цели путеводитель по Франции и школьные карты. Когда мы

смотрели эти карты, то мир казался не таким уж большим, а мой план легко осуществимым.

Вилли был очень практичным мальчиком, он заставил меня записать все города, через которые мне надо было проехать, стоимость железнодорожных и автобусных билетов.

На прощанье он сказал:

— Как жаль, Фома, что я не имею возможности совершить с тобой это небольшое путешествие. Видишь ли, я дал маме слово не совершать опрометчивых поступков. Ты в лучшем положении. Во-первых, не связан словом, во-вторых, обстоятельства способствуют тебе. Не потеряй деньги, записную книжку, немецко-французский разговорник и постарайся запомнить мой адрес. Так после войны, как договорились! Ты приедешь ко мне? Нет, лучше я к тебе!..

Мы обнялись.

Милый, славный мой товарищ Вилли.

...Под монотонный свист пассата и урчание прибоя я вспоминал скитанья, которые привели меня на этот остров. Как я брел по осенним дорогам Германии, Франции, тряся в кузовах грузовиков, ехал на угольных тендерах паровозов. Меня влекло к морю. Море мне казалось такой широкой, такой доступной дорогой, ведущей на Родину. Уже в самом конце своих скитаний по Франции я ехал в переполненном вагоне. На меня никто не обращал внимания. Вдруг в непонятной речи французов я уловил тревогу. Началась проверка документов. Сидевший со мной рядом молодой человек в сером плаще что-то мне сказал, улыбнулся и мигом исчез под скамейкой. Немецкий офицер и солдат проверили документы у всех в нашем купе, я сидел ни жив ни мертв. Наконец

офицер обратился ко мне по-французски. Я ответил по-немецки, что плохо знаю французский язык.

— Ты немец? — спросил офицер.

— О да, — соврал я.

— Ты не заметил здесь человека лет тридцати в сером плаще?

Я покачал головой.

— Нет. Здесь не было никого в сером плаще.

— Ну-ка, загляни под скамейку!

Я охотно выполнил его просьбу и сказал, что там ничего нет, кроме газет и пыли.

— Если заметишь кого-либо в сером плаще, то немедленно сообщи в первый вагон.

Я пообещал.

Когда патруль ушел, то все бросились пожимать мне руку, что-то взволнованно говорили.

Из-под лавки вылез молодой человек в сером плаще и тоже что-то сказал мне и стал трясти руку. Пожилой человек отдал ему свой черный плащ, и он сел рядом со мной, все улыбался и похлопывал меня по колену. На первой же остановке молодой человек, кивнув, сошел.

Через несколько дней я снова встретился с этим человеком. Случилось это в маленьком городке, недалеко от моря. Мои ботинки совсем развалились, денег не было, и я, кажется, заболел или ослаб от голода, так что еле передвигал ноги. А море было совсем близко, что-то около сорока километров. Я стоял на автобусной остановке под недоверчивыми взглядами крестьянок, тоже ожидавших автобуса. И тут подошел мой сосед по купе, он не сразу узнал меня, а узнав, потащил в ближайшее кафе.

Поль помог мне добраться до рыбацкой деревуш-

ки, где группа антифашистов с минуты на минуту ожидала сигнала с моря.

И вот мы идем на яхте, в тумане, под парусами, чутко прислушиваясь. Несколько раз совсем близко проносились сторожевики. Через две недели мы вошли в Лиссабонский порт. Я мог остаться в Португалии до конца войны. Мои спутники уговаривали меня не делать опрометчивых шагов и обещали помочь. Я же все дни проводил в порту среди грузчиков. Один из них оказался русским, сыном эмигранта.

У причала под погрузкой стоял большой норвежский корабль «Осло».

— Вот, Фома, самый подходящий лайнер для тебя, — сказал мой знакомый. — Хочешь, спрячем? Он идет в Норвегию: матросы говорили. А Норвегия рядом с нашей Россией. Отправляйся, раз есть такая возможность. Чужбина, брат, не сладкая штука...

Двое суток я просидел в трюме среди ящиков и тюков, воюя в крошечной темноте с крысами. А когда вылез, то узнал, что «Осло» идет в Сингапур.

Моряки сочувственно отнеслись ко мне. Меня не укачивало, и это сильно подняло меня в глазах моряков. Я не боялся никакой работы, помогал коку — высокому мрачному человеку с добрыми глазами. Управившись на кухне, шел к матросам. Они учили меня сращивать концы канатов, плести маты, красить. Мне их работа нравилась больше, чем стряпня и мытье посуды.

Из Сингапура «Осло» отправлялся в Рио-де-Жанейро. Капитан предложил мне остаться юнгой. Но я не согласился. Родина, казалось, так близко, прямо рукой подать.

Я великолепно помнил школьную карту.

В Сингапуре я прожил около месяца, проводя дни и ночи в порту в надежде найти попутное судно. Два раза я пробирался на японские торговые корабли, и каждый раз меня высаживали на берег. И здесь у меня появились приятели, такие же бездомные мальчишки, они не дали мне умереть с голоду. Но это было тоже трудное время, как и после побега от немецкого кулака. Я чувствовал, что слабею с каждым днем, чашки риса и пары бананов мне было мало, а больше мои новые друзья, китайские ребята, дать мне не могли. Мелкая грошовая работа попадалась очень редко, и ее надо было брать с бою, потому что таких, как я, безработных было множество.

Однажды я сидел, свесив ноги с причала, и смотрел на гавань с множеством торговых и военных кораблей. Пыхтели буксиры, швартуя морских скитальцев к свободным причалам или провожая в дальний путь. Между кораблями сновало множество маленьких пассажирских джонок. Ими управляли полуголые люди — водяные рикши. Стоя на корме, они, налегая грудью, толкали вправо и влево длинное весло, и суденышки с десятком пассажиров быстро мчались в разные концы бухты.

Среди разногласного гула порта я расслышал непонятные слова, и мне показалось, что они относятся ко мне.

Я поднял голову и увидел улыбающееся лицо. Такие лица я видел раньше только на иллюстрациях в книгах о пиратах.

Я сказал по-немецки, что не понимаю его. Тогда он, обрадовавшись, ответил тоже по-немецки:

— А мне показалось, что ты англичанин. По правде говоря, я не особенно силен в английском. Вот

хорошо, что мы нашли общий язык. Ты что это все сидишь? Нос повесил! Я уже к тебе дня три присматриваюсь. Поднимайся, парень. Пойдем поговорим за кружкой пива. Проклятый климат, будто тебя выжимают весь день и выжать не могут. А пиво, оно как-то освежает. Здесь неплохое пиво. — Он протянул широкую, жесткую, как кора, руку.

— Ван Дейк. Не слыхал? Был такой художник, мой земляк, тоже толковый мужик. Сейчас его картины стоят чуть не миллион гульденов! Как-то в Антверпене я пошел посмотреть на его картины. Люди у него как живые. Не видал? Ну, прямо, только не говорят.

Я помотал головой, рассматривая этого удивительного человека.

— Увидишь еще. Может, ты сам художник? Не мотай головой. Прихожу я в галерею. Стою, смотрю, удивляюсь. Ты думаешь, чему?

— Красиво!

— Да, и это, но главное — другое. Понимаешь, картина — метр полотна, красок разных не больше фунта, рама, правда, хороша, но цена всему — гульденов сто, не больше, а стоит миллион! Спросил я одного старикашку из тех, что приглядывают, чтобы кто не увел какую картину по рассеянности. И знаешь, что он мне ответил? Ни за что не догадаешься. Остальное — за талант! О! У тебя, случаем, нет никакого таланта?

Мне так захотелось обнаружить у себя хоть какой-нибудь небольшой талантишко, что я даже покраснел от напряжения.

Он похлопал меня по плечу.

— Талант — это непонятная штука в человеке.

Пока человек живой, дьявол его знает, какую он может выкинуть штуку. Вот я плавал с одним французом. Прозвали мы его Зеленый Жак. Такой был замухрышка. Чуть шторм, он уже позеленеет, как древесная лягушка, но не ложится. Шатается, а стоит. К чему это я тебе говорю? Не качай головой! Знаю, что не знаешь. Говорю я это к тому, что тот француз стал писателем. Сам читал в журнале его рассказ. И подписался, проклятый, Зеленым Жаком. Нам сюда... Тут, в баре, что-то вроде холодильника.

И хозяин талантливый человек, как он готовит креветок!

Так я познакомился с дядюшкой Ван Дейком. У него был великий талант везде находить друзей, которые нуждались в его помощи...

...Над головой переливались звезды, пассат ворошил жесткие листья кокосовых пальм. Взошел тонкий, нежный серпик месяца, предвещая близкое утро. Мне захотелось спать, как в ночном. Свернувшись калачиком, я уснул.

Выстрел

Проснулся, весь обливаясь потом. Солнце стояло высоко и обдавало меня жаром, как из печи. Вскочив, первым делом я осмотрел противоположный берег лагуны, где находился лагерь моего противника. Там не было заметно никакого движения. Капитан либо еще спал, либо рыскал по берегу океана в поисках пищи.

Выкупавшись в колдобине на мелководье, я решил позавтракать припасенным с вечера орехом, но его и след простыл. Должно быть, его стянул один из крабов, поступив со мной так же, как я поступил с его собратом.

Выбрав пальму с большущей гроздью орехов, я стал взбираться на нее, осматриваясь по сторонам. Конечно, все мое внимание было обращено на другую сторону лагуны. И я увидел капитана. Ласковый Питер, видно, только что поднялся и тоже собирался позавтракать. Вот он подошел к пальме, потрогал ее рукой, затем концом веревки, которую я оставил

на площадке, связал себе шиколотки ног. Он полез тяжело, неуверенно. До половины ствола дело у него шло неплохо. Но вот он остановился и, наверное, посмотрел вниз. Новичку того делать не следует: сразу охватывает страх, сердце холодеет, тут надо взять себя в руки и тогда уже подниматься выше.

Ласковый Питер внезапно поехал вниз и метров с трех полетел на песок. Он долго лежал и, должно быть, посылал проклятья всем атоллам и кокосовым пальмам на свете. Наконец он поднялся и, прихрамывая, пошел от лагуны к берегу океана.

Я благополучно забрался на пальму, срезал несколько орехов и, устроившись на черенках листьев, с надеждой стал осматривать океан. Мне все верилось, что я увижу парус или дым из трубы парохода, а передо мной расстилалась водяная пустыня без конца и края.

Далекий островок не вселял никаких надежд. Мне казалось, что он как-то неуверенно покачивается среди водяной пустыни и вот-вот скроется навсегда в океанской синеве, до того он был маленький и жалкий, похожий на кустик в цветочном горшке.

Внизу показался капитан. Остановившись на берегу, на укатанном волнами песке, он вяло помахал руками, несколько раз присел. Прodelав зарядку, Ласковый Питер приступил к завтраку: стал бродить по мелководью и есть какую-то морскую живность.

Сидя на макушке пальмы, раскачиваемой ветром, я ощутил такое одиночество, что даже испугался, когда мой враг вдруг куда-то скрылся. «Что, если он вздумает купаться или промышлять еду среди водорослей, — с тревогой думал я, — там его может разорвать барракуда или укусить ядовитая мурена!»

Мне даже пришла нелепая мысль, что он извинится передо мной, что мы с ним подружимся и заживем припеваючи.

Вот он показался между стволами пальм в белой, разорванной на груди рубашке, что-то разглядывая у себя на ладони, и шагнул в сторону.

Спустившись на землю, я напился кокосового сока, съел ядро, напоминающее творог, посыпанный ванилью. Остальные орехи я, наученный горьким опытом, завернул в палатку и бросил в колючий куст. Теперь можно было приниматься за изготовление остроги. Меня так и подмывало заняться охотой на бесчисленных обитателей лагуны. Но я решил вначале сплести себе обувь, так как сильно поранил подошвы ног о кораллы и обломки раковин. На корабле у норвежцев, а затем на «Орионе» я учился плести маты и даже заслужил скупые похвалы матросов.

Мне нужна была прочная веревка с мизинец толщиной. Конечно, ее нельзя было найти на острове, но там было много кокосового волокна, его настригли крабы — кокосовые воры. Из него можно было навить веревки. Я стал собирать старое, вымоченное дождями, растрепанное ветром волокно. Из него с грехом пополам мне удалось навить веревки, не очень красивых, но прочных. С плетением сандалий я справился довольно скоро. Сандалии получились, может быть, некрасивые, зато прочные и довольно удобные, теперь я мог ходить и по суше и по воде, не так уж пристально поглядывая под ноги.

На изготовление сандалий у меня ушло все время до полудня. Солнце стояло почти над самой головой и нещадно палило. Я вспомнил, что на Родине сейчас зима, стоят февральские морозы. Ребята катаются на

коньках, ходят на лыжах. Может, уже окончилась война.

Правда, скупо, но и на «Орион» проникали сведения с фронтов войны. Военные новости сообщал мне штурман У Син. Вначале я остерегался его, не верил ему, думал, что он просто испытывает меня, сообщая о победах Советской Армии. Уж очень он был загадочным человеком. Обыкновенно У Син молчал, чему-то улыбаясь уголками губ. Однажды капитан плеснул мне в лицо кофе, оно показалось ему недостаточно горячим, и тут У Сину изменило хладнокровие, он резко сказал что-то по-английски и вышел из каюты капитана. С тех пор я стал относиться к нему иначе.

Новости я получал от него, когда приносил ему на вахту кофе. У Син с суровым видом, будто выговаривая за провинность, сообщал о положении на фронтах и в заключение неизменно повторял: «Правда и мужество победят».

В рубке был приемник. Однажды У Син настроил его на одну из наших радиостанций, и я услышал голос русского диктора, передававшего сводку Информбюро. Советские армии уже подходили к границам фашистской Германии. Почти все наши города были освобождены. О ходе войны я еще узнавал по лицу Ласкового Питера. Последнее время он был особенно мрачен. За несколько дней до крушения я подслушал его разговор со штурманом. Вернее, говорил один капитан, а штурман по обыкновению молчал или загадочно улыбался. Я видел это в иллюминатор.

— Что бы ни произошло там, война будет продолжаться здесь. — Капитан расхаживал по своей

каюте. — Мир горит, и мы будем долго греться у огня. По крайней мере нам с вами не выгодно гасить это пламя. Мы сделаем еще не один рейс с нашим грузом... — Он взглянул на иллюминатор, и мне пришлось улепетывать на цыпочках.

На камбузе я спросил у Ван Дейка, что мы везем в тех ящиках, что лежат в трюме.

Он выглянул за двери и прошептал:

— Оружие. Только — молчок.

— Кому?

— Не наше с тобой дело. Тем, кто его покупает. Не все ли равно, что и кому мы везем? Был бы фрахт, будет и заработок. Мы работаем на честной шхуне. Это не «Лолита». Вот на ней, говорят, ходят настоящие пираты. Хотя, по правде сказать, я не особенно-то верю этим рассказам. Ты знаешь, что моряки любят выдумывать истории. А нам они ни к чему. Выкинь, Фома, из головы этот балласт, нам с тобой не найти лучшей работы и лучшего ко-рабля...

Когда разговор заходил о зарплате, то кок сразу становился другим человеком. Он сам работал, честно выполняя свои немудреные обязанности, и ему не было дела до других.

— Нам с тобой мир не исправить, — сказал он мне в утешение, — а вот без куска хлеба мы оказаться можем. Ты знаешь, что это за штука?

Я знал. Все же не мог с ним согласиться и начал было спорить, да он послал меня на палубу чистить рыбу.

...Надев сандалии, я прошелся в них нарочно по самым острым кускам кораллов, они теперь только хрустели под подошвами. За работой я порядочно

проголодался и решил съесть содержимое одного из моих орехов. Развернув парусину, я с криком отскочил в сторону: — оттуда выпрыгнули две крысы. Пока я сапожничал, они успели прогрызть палатку и высверлили дырочки в коже одного из орехов возле плодоножки. Противные животные, сколько неприятностей они причинили мне на острове! Второй орех был цел, и я пообедал удивительно вкусной мякотью. Затем, прислушиваясь, не скрипит ли песок под ногами капитана, я принялся за изготовление остроги. Вначале я просто заострил бамбуковую палку. Подойдя к берегу лагуны, я выследил там небольшого тунца и бросил в него гарпун. Но мое оружие не годилось для охоты, оно как пробка выскакивало из воды. Тогда я стал рыться в водорослях. Мне удалось найти другую, более тяжелую палку с палец толщиной и метра два длиной, это был побег какого-то тропического дерева. Затем я вспомнил слова Ласкового Питера и нашел корабельную доску с большими медными гвоздями. Дерево почти истлело, и позеленевшие гвозди я легко вытаскивал из доски. Несколько часов ушло у меня на то, чтобы слегка расплющить один из гвоздей, ударяя по нему куском коралла, а потом ножом надрезать и отогнуть небольшие бородки. Гарпун вышел грубый, некрасивый, но это было уже настоящее оружие. Для веревки я не пожалел парусины, нарезав ее тонкими длинными лентами и свив их вдвое.

И вот я стою на берегу и, держа в руке острогу, слежу за добычей. Глаза у меня разбегаются при виде множества диковинных рыб. Как я жалел в эти минуты, что вместе со мной нет никого из моих друзей. И мне почему-то становится обидно, что, если

уцелею и когда-нибудь начну рассказывать о необыкновенном мире лагуны, ребята не поверят мне.

Не так легко выбрать подходящую рыбу, прежде чем нанести первый удар. Дядюшка Ван Дейк говорил мне, что не каждого обитателя тропических морей можно есть. Многие из них ядовиты или неприятны на вкус. Наконец показалась густая стайка голубоватых рыб с продольной коричневой полосой посередине туловища, от головы к хвосту. Это были знакомые уже мне рыбы, я их часто жарил на «Орионе». Я метнул гарпун, заранее торжествуя победу. Да не тут-то было. Промах! Пришлось вытянуть гарпун. Напуганная стая умчалась от берега. Но я не особенно горевал, мне казалось, что если буду бросать гарпун наудачу и с закрытыми глазами, то и тогда попаду в какую-нибудь рыбу. Мое внимание привлекла морская черепаха, она быстро двигалась среди цветущего подводного сада. Вот черепаха сделала рывок и, наверное, проглотила одну из зазевавшихся рыбок-бабочек. Черепаха уплыла. Улегся переполох, поднятый появлением хищницы. В подводном саду, залитом солнцем, воцарились мир и спокойствие. Остались только те из рыб, которые, видимо, сжились друг с другом, и каждая занималась своими мирными делами.

Все, что я увидел в этом прекрасном, но обманчивом мире, невольно навело меня на мысль, что и у меня есть враг, возможно, он даже подкрался и готовится к прыжку. Я быстро обернулся и с облегчением вздохнул. Только стволы пальм были за моей спиной.

Мне удалось, наконец, наколоть на острогу большую макрель. Я попробовал есть ее сырой.

С трудом проглотив несколько кусков, стал подумывать, а не попробовать ли мне добыть огонь. Но как? Я вспомнил о подарке отца — замечательной лупе в черной пластмассовой оправе. Сколько костров я разжег с ее помощью, сколько узоров выжег на тальниковых палках...

Если бы у меня была лупа!

Мои размышления прервал выстрел. Стреляли на противоположной стороне острова. Там, на берегу, стоял Ласковый Питер и потрясал правой рукой с поблескивающим в ней «вальтером». Капитан явно хотел привлечь мое внимание. Пока я мастерила острогу, он исправил пистолет или просто вычистил его. Впервые за все это время капитан поступил честно, предупредив, что окончено перемирие. Или, быть может, ему хотелось напугать меня? Я посмотрел на свой жалкий гарпун, потрогал в кармане нож. Силы были явно не на моей стороне.

Игра в прятки

Ширина канала, соединяющего лагуну с океаном, достигала почти восьмидесяти метров. Здесь водились акулы, но для задуманного мною плана надо было переправиться на другой берег. Только так я мог очутиться в тылу у своего врага, дожждаться ночи, незаметно подкрасться к нему и захватить оружие. Моя затея казалась не такой уж трудной. «Вальтер» он носит в кобуре, висящей на поясе, надо было только неслышно подкрасться к спящему и вытащить у него пистолет. Если мне это удастся, а я почему-то был уверен в этом, то на острове будут царить

мир и спокойствие, как после нашей последней драки.

Палатку я оставил в своей «спальне» между ку-стами, накрыв ею постель из кокосового волокна. Штаны и рубашку, порядком потрепанную, я снял, на мне остались только черные трусики с карманом на застежке-«молнии». В карман я положил нож, а все вещи, в том числе и острогу, спрятал в трещине и завалил камнями. Время уже близилось к вечеру, когда я, полный решимости, подкрался к берегу канала.

Прежде чем прыгнуть в воду, я внимательно осмотрел канал — не покажется ли где плавник акулы.

В канал из океана входил косяк какой-то серебристой рыбы, шел он плотной массой. Если бы здесь сторожили акулы, то они давно бы накинулись на такую лакомую добычу. Я прыгнул и поплыл, часто опуская голову под воду и озираясь по сторонам. Мимо меня проносились рыбы, иногда задевая скользкими боками.

Отдохнув на другой стороне, я стал крадучись пробираться от дерева к дереву. Иногда, услышав шорох, падал или прижимался к стволу пальмы. Моя кожа сильно загорела и сливалась с коричневатой корой кокосовых пальм, только волосы выгорели почти добела.

Внезапно я чуть не наткнулся на капитана. Ласковый Питер сидел в десяти шагах от меня возле норы кокосового вора и с жадностью выедал содержимое ореха, лопнувшего от солнечного жара. Видимо, капитан сильно проголодался, он урчал, как

обезьяна, да и сам он был похож на человекообразную обезьяну: весь заросший рыжими волосами. С видимым сожалением он отбросил пустую скорлупу и заглянул в нору, сунул туда руку, но тут же молниеносно выдернул ее и замахал в воздухе. Видно, краб схватил его за палец.

Ругаясь, он прошел совсем недалеко, с пальца у него капала кровь. Стоя спиной ко мне, он оторвал ленту от полы рубахи, замотал палец и пошел, пристально заглядывая в каждое углубление. Ему удалось найти орех, он пошел с ним к воде и там разбил его о кусок коралла. Из ореха брызнул сок, и он с жадностью припал к скорлупе.

Я наблюдал издали, как он побежал, припадая на левую ногу, остановился и стал подпрыгивать на месте. Потом нагнулся и поднял раздавленного краба, посмотрел на него и бросил в сторону. Разделавшись с крабом, он вытащил пистолет. Над мелководьем между рифом и островом летало множество чаек, между ними иногда проносились гигантские фрегаты, выбирая в воде добычу покрупнее.

Один такой фрегат пролетал над головой Ласкового Питера. Капитан вскинул руку, раздался выстрел, фрегат упал в воду. Глядя на убитую птицу, он ослабил и сунул пистолет в кобуру.

Я почувствовал холодок между лопатками, хотя в спину мне палило заходящее солнце.

Ласковый Питер, глядя в землю и чему-то злорадно улыбаясь, пошел к берегу лагуны. Я стал красться за ним следом. Надо сказать, что у меня к тому времени сильно поубавилось уверенности, что мой план пройдет без сучка и без задоринки. Но теперь мне

еще ясней стали его намерения и укрепилось убеждение, что во что бы то ни стало надо захватить оружие. Либо мне удастся обезвредить врага, либо надо будет покорно склонить голову, сдаться в плен на милость победителя, стать его рабом, что для меня было хуже смерти.

Как пригодились мне сандалии, я нарочно не снял их, рискуя утопить, зато теперь почти неслышно подкрадывался по выветренной поверхности острова, усеянной острыми скрипучими обломками раковин и коралловой галькой.

Ласковый Питер сидел у плоской, как стол, глыбы и собирал с нее патроны для пистолета, обтирал рубахой и вставлял в обойму.

Вложив обойму в рукоятку пистолета, он залез на камень и долго разглядывал мою сторону лагуны.

Наступил вечер. Второй вечер на этом острове. Солнце садилось в лиловую тучу. Пассат почти совсем стих, только прибой яростно грохотал на рифе.

Когда стемнело, послышался кашель и скрип песка. Осторожные шаги удалялись. Я пересек площадку и стал красться за Ласковым Питером.

Иногда он останавливался, тогда и я замирал на месте; постояв с минуту, он двигался дальше. Опять я с гордостью подумал о своих сандалиях на мягкой толстой подошве, моих шагов почти не было слышно. Я крался, как тень. Осмелев, я подошел так близко, что едва не налетел на него. В это мгновение он споткнулся и помянул дьявола.

У меня не оставалось сомнений, что он охотится за мной, предательски хочет напасть в темноте.

Зачем он это делал? Наверное, боялся, что я зарежу его во сне или всажу нож в спину, выскочив из-за пальмы. Будь он на моем месте, то наверняка сделал бы это, не колеблясь. И еще, мне кажется, он не мог смириться с тем, что я, мальчишка, человек низшей расы, как он считал, отказался ему повиноваться, поднял бунт и даже принудил его сдаться.

Вот он остановился, видно прислушиваясь, затем крадучись пошел по берегу. Его расплывчатый силуэт мелькнул на фоне лагуны, усеянном отражениями звезд, и скрылся в крошечной тьме. Я стоял, прижавшись в темноте к стволу пальмы, и прислушивался к скрипу песка под ногами моего врага, сжимая в руке нож.

Ласковый Питер минут пять кружил возле моей постели, наконец, наткнулся на нее, упал, поднимаясь, громко выругался. В голосе его слышалось злорадное торжество. Он пнул мою постель и сказал:

— Можешь не подниматься. Тебе придется долго спать. Молчишь? И правильно делаешь. Ты проиграл. А проигравший платит!

Затем один за другим прогремели три выстрела.

— Но вот и все, — сказал Ласковый Питер с видимым облегчением. — Надо отдать тебе должное, ты держался молодцом. Может, поэтому я и отправил тебя к праотцам. Мне все казалось, что ты стоишь у меня за спиной со своим ножом. Я возьму его на память. Ты не возражаешь? Не мешает мне и палатка.

Зашуршала парусина.

— Проклятый щенок, — прошептал он.

Этот бандит был явно разочарован. Он сопел, сидя на моей постели, наверное поняв, что поменялся со мной ролями. Теперь ему надо было прятаться. У меня был нож, и он ждал удара, наверное вращая головой, как сова.

Неподалеку зашуршал песок, должно быть, краб тащил орех. Тотчас же сверкнуло красное пламя и грохнул выстрел. Он еще несколько раз стрелял во все стороны. Наконец встал и пошел. Я нащупал под ногами кусок коралловой ветки и запустил ему вслед. В ответ он выстрелил и побежал, время от времени стреляя в темноту.

Я не выдержал и закричал:

— Удрал, удрал! Трус несчастный! Фашист проклятый!

Наверное, он не слышал меня, потому что затихший было ветер завыл, засвистел в ушах. Стал накрапывать дождь. Когда он хлынул водопадом, я уже лежал на своей постели, с головой накрывшись палаткой. Буря бушевала вовсю, ветер пытался сорвать с меня парусину, да я подоткнул ее под бока. Палатка вначале пропускала теплую дождевую воду, но потом набухла, и вода стекала с нее под мою постель. Однако слой кокосового волокна был толстым, и мне было не так уж плохо. Засыпая, я старался сосчитать, сколько выстрелов сделал Ласковый Питер. Получалось тринадцать или четырнадцать. Выходило, что если у него было две полные обоймы, то осталось не больше пяти-шести патронов. Я заснул, хоть под боком уже хлюпала вода.

Последний патрон

Атолл, омытый ливнем, сверкал в утреннем солнце. Пар курился над влажным еще песком. Переплыв канал, я опять занял свой наблюдательный пост в кустах недалеко от логова Ласкового Питера. Мой противник тоже проснулся, а возможно и вообще не ложился, судя по его усталому лицу. Он сидел за плоским камнем с пистолетом в руке и клевал носом. Иногда он вскидывал голову и ошалело смотрел по сторонам. Он и впрямь считал, что и я поступлю с ним так же, как он хотел поступить со мной: подкрадусь и убью его сонного.

«Что, если мне самому подкрасться и ударить по голове вот этим кораллом, оглушить и обезоружить? Ведь с таким противником иначе нельзя. И ничего ему особенно не будет, только оглушу его...»

Мои мысли прервал его голос.

— Ну, где ты, где? — орал он. — Чтоб тебя сожрали акулы! Думаешь, я не вижу! Трус! Выходи!

Я спрятал голову в расщелину.

— Выходи, или!..

Он выстрелил. Подождав немного, я выглянул. Он клевал носом, сидя на камне. У него явно сдавали нервы.

Мне в голову пришла отчаянная мысль. Наверное, у меня в ту пору тоже сдали нервы, я чувствовал, что не выдержу, если он будет вот так охотиться за мной.

Я думал: «Сейчас он устал, ночью его промочило насквозь и он не спал. Теперь ему уже не попасть

в летящего фрегата. Руки у него дрожат, глаза слезятся...»

Он вскинул голову, что-то пробормотал и опять заклевал носом.

И я решился. Вылез из своего укрытия. Схватил камень, размахнувшись, бросил в него. Камень попал ему в грудь, он повалился на бок, спросонок подумав, не ударил ли я его ножом, потом вскочил.

Я побежал. Он выстрелил. Пуля чиркнула по песку сбоку от правой ноги. Я побежал к каналу, виляя из стороны в сторону, как один из героев не помню какого фильма или книги. Он выстрелил еще. В ушах свистел ветер. Оглянувшись, я увидел его метрах в ста. Он бежал, согнувшись почти до земли, опустив руку с пистолетом. Еще выстрел, и крошки коралла брызнули из глыбы впереди и чуть левей от меня. Все-таки он стрелял здорово, и если бы я не менял направления, то он убил бы меня. Но в те мгновенья я не думал об этом, я летел, едва касаясь ногами почвы, не помню, как слетели у меня сандалии, я не чувствовал порезов от острых осколков раковин и только считал выстрелы.

«Вот теперь у него остался только один патрон, не больше», — думал я, заранее торжествуя победу.

Он не стрелял больше, приближаясь ко мне медленным упорным шагом убийцы. Я же стоял на берегу, чтобы хоть немного отдышаться, прежде чем плыть на другую сторону.

Он помахал рукой и что-то крикнул. Тут я прыгнул в воду и поплыл, часто оглядываясь. Я был уже на середине канала, когда он показался на берегу. Присев, он ждал чего-то. Я плыл изо всех сил, часто ныряя. И ждал, что в меня вопьется пуля. Именно вопьется. И только то, что этот негодяй может меня убить и я пойду ко дну, как-то не приходило мне в голову.

Он выстрелил, когда я вылез из воды, но раньше, еще до того, как я услышал выстрел, что-то обожгло мне плечо. Я упал, вскочил, метнулся в сторону и спрятался за глыбы коралла, совершенно обессиленный. Мне казалось, что сердце сейчас разорвется.

Отдохнув, я поднялся. Ласковый Питер все еще стоял на берегу.

— Стреляй! — закричал я. — Ну, что же ты не стреляешь? Ага, кончились патроны! Все! Восемнадцать штук! — орал я, приплясывая. — Вот теперь есть, чем колоть орехи!

Он тоже что-то закричал в ответ, сунул пистолет в карман и остался стоять у самой воды.

Рана оказалась пустяковой. Пуля только сорвала кожу с плеча. Подождав, пока подсохнет кровь, я оделся, взял гарпун и, не оборачиваясь, пошел от берега под ненавидящим взглядом, как мне казалось, побежденного врага.

С каким аппетитом я съел содержимое кокосового ореха, напился кокосового сока!

Стоя на берегу лагуны, я почувствовал себя настоящим хозяином острова. Пассат неудержимой, невидимой рекой ровно нес свои освежающие струи, насыщенные ароматами океана. Напевая песенку негра Чарли, я стал устанавливать палатку; покончив с этим, приготовил себе в ней великолепную постель из кокосового волокна.

Один выход у палатки смотрел в океан, а другой в лагуну. В ней было прохладно, как может быть прохладно в тропиках, под тентом, продуваемым свежим ветром. Правда, палатку прогрызли в нескольких местах крысы и Ласковый Питер прострелил ее, но и это имело свою положительную сторону: у меня теперь были смотровые щели справа и слева.

За работой быстро летит время, я понял это давно. Работа отвлекает от грустных, тяжелых мыслей.

Поставив палатку, я решил попробовать добыть огонь. Эта мысль не покидала меня все утро. Я пред-

ставлял себе, как сижу у костра рядом с палаткой и жарю на вертеле рыбу. Топлива на острове было сколько угодно — сухое кокосовое волокно и ореховая скорлупа. Оставалось только добыть огонь! Не откладывая дела, я нашел на берегу два сухих куска дерева и, став на колени, стал тереть один о другой. Дерево нагрелось, даже запахло горелым, но дальше этого дело не пошло. Измученный, весь в поту, я сидел на берегу и вспоминал все знакомые мне способы добывания огня. Да так и ничего не придумал.

«Попробую есть сырую», — решил я и взялся за острогу. У берега появилась стайка синей макрели. После нескольких промахов мне удалось наколоть одну из рыб. Я выпотрошил ее, содрал кожицу, нарезал ломтиками розоватое мясо. Посыпал солью. Попробовал. Блюдо понравилось мне больше улиток.

В самый разгар моего пира я услышал хруст раковин. Ко мне подходил капитан. Увидев в моей руке нож, он остановился в пяти шагах и сказал, не скрывая удивления:

— Ты поймал рыбу? О, да у тебя острога! Великолепная макрель! И даже соль! Откуда на острове этот съедобный минерал?

— Из океана.

Я стал усиленно работать челюстями и даже попытался изобразить на своем лице, как вкусна сырая рыба, хотя мне хотелось ее выплюнуть.

Лицо его исказила судорога, он спросил, давясь голодной слюной:

— Неужели ты съешь всю эту макрель? Смотри не заболей! Здесь нет лекарств. А я ничего не смыслю в медицине.

Мне пришла на ум сказка о Красной Шапочке. Этот волк заботился о моем здоровье! Я видел по его глазам, что если представится случай, то он швырнет меня в лагуну, а сам набросится на еду, но я был начеку.

— Не беспокойтесь о моем здоровье, — сказал я, запуская недоеденный кусок в лагуну.

Он проводил взглядом этот лакомый кусок и сказал, будто подумал вслух:

— Почему все-таки я не убил тебя? Сколько представлялось случаев, но я щадил тебя. Мне хотелось только заставить тебя опомниться и выполнять свои обязанности юнги. Глупец! Ты, видимо, думаешь, что я плохо целился, когда ты, неуклюже виляя, бежал к этой канаве? Я мог убить тебя первой же пулей и ночью и сегодня. Странно, но мне было жаль тебя. К тому же ты мне нужен. У тебя золотые руки. Со временем под моим руководством ты станешь капитаном. Хочешь стать капитаном? По глазам вижу, что хочешь. Ты что хватаешься за плечо, о, да у тебя кровь. Задел об коралл? Надо быть осторожным, мой мальчик. — Он протянул было руку к рыбе и отдернул ее, увидев, как я вскочил с ножом в руке.

— Ты спрячешь этот проклятый нож?! — заорал он.

Я помотал головой.

— Ну, хорошо, — он попытался улыбнуться. — Хочешь мира?

— Нет. С вами — нет. Уходите!

— Хорошо, уйду, но ты дашь мне кусочек рыбы! — В голосе его зазвучали прежние повелительные ноты.

— Ничего вы не получите!

Лицо у него побелело от приступа ярости, воло-

сатые пальцы судорожно сжимались и разжимались, как щупальца актинии. Все же он овладел собой и сказал устало:

— Только кусок рыбы и соли. Ты не откажешь умирающему с голоду человеку, своему капитану.

Снова передо мной стоял жалкий человек и смотрел умоляющими глазами.

— Ладно. Жрите! — сказал я по-русски, протягивая остатки макрели.

Он высыпал на рыбу почти всю мою соль и стал есть, брезгливо морщась и ворча.

— Ничего не ел противней. Полинезийцы едят это сырье с лимонным соком. У тебя, конечно, нет лимонов? — говорил он, обгладывая остов макрели. — Вот так обедом ты меня угостил! Нет! Лучше я буду есть орехи. — Он швырнул голову и хребет в лагуну и приказал: — Принеси орех позеленей — после этой противной рыбы так захотелось пить. Ну! Живо!

— Возьмите у знакомых крабов, — ответил я. — Теперь уходите. Если вы будете хорошо вести себя, то я буду кормить вас сырой рыбой, а вы собирайте соль.

— Я буду собирать для тебя соль? Наглец!

— Не будет соли, не будет и рыбы. Для себя я добуду сам.

— Ах, вон в чем дело! Разделение труда. Как в нормальном цивилизованном обществе! Покажи, где ты ее собирал.

— Соль можно найти на камнях. Считайте ее кисточкой из волокна.

— Но это дьявольская работа! Собирать микроскопическую пыль!

— Как хотите.

— Ну, я подумаю над твоим предложением, — зловеще скривив рожу, он пошел на свою половину острова.

К вечеру он все-таки собрал соли, в ней было на три четверти песку. Я добыл две макрели, одну дал ему. На этот раз мы сидели поодаль друг от друга на коралловых глыбах и ужинали. На его зубах скрипел песок. Моя соль была совсем чистая, я добывал ее так: обмакну рубашу в лагуну, высушу, а потом потру в руках, и кристаллики соли падают на кусок парусины. Так я выпарил граммов десять соли.

— Где ты берешь такую прекрасную соль? — не выдержал Ласковый Питер. — У меня — чистый песок. После этого острова мне придется ставить золотые коронки на все зубы.

Но соли у меня он не попросил, а стал сдвигать песок с мяса, посоленного своей смесью.

После ужина, развалясь на песке, он пустился в рассуждения:

— В этом мире должны жить только сильные люди. Все остальные или работают на них, или уничтожаются. Как в лагуне! Там сильный, наделенный преимуществами, побеждает слабого.

Я невольно посмотрел в прозрачную воду, как будто освещенную из глубины зеленоватым светом. Пронеслась небольшая акула; разогнав рыб-попугаев, двухметровая барракуда ухватила желтую рыбу и скрылась в расщелине.

— Такова жизнь, — сказал Ласковый Питер, кивнув на воду. В глазах у него я увидел жесткий блеск, рука его сжала кусок коралла и как бы с сожалением отбросила в сторону.

Я молчал в замешательстве. Я понимал, что он

не прав, что люди не должны относиться друг к другу, как звери, но не мог найти подходящих слов, чтобы убедительно возразить ему. И тут я вспомнил свою вожатую из воронежской школы Валентину Николаевну и ее слова:

«Пионер, ребята, — это человек, который борется за самое хорошее на земле. А хорошее — это правда, дружба, равенство всех людей. Нелегко бороться за наши идеалы. На земле появились страшные звери — фашисты...»

И я подумал:

«Вот он сидит с тобой, этот фашист, ест твою рыбу и хочет из тебя сделать такого же фашиста».

Ласковый Питер спросил:

— Я вижу, что ты начинаешь понимать меня?

— Да. Мне надо было убить вас в первый же день!

— Тогда была честная борьба, и ты был бы прав. Правда, я несколько погорячился. Пойми сам, потерять такой корабль, столько денег. Проклятый штурман! Он посадил на камни мой «Орион». Счастье этого негодая, что он утонул, а не то перед тем, что его ожидало, зубы акулы показались бы ему щетками для массажа. Мне приходилось видеть, как за меньшую вину с таких молодцов, как У Син, сдирали кожу.

— Напрасно вы так на У Сина. Он был хороший человек!

— Ты в этом уверен?

— Да! Он не стал бы губить столько людей и такой корабль. Зачем это ему было делать?

— Ты не знаешь красных. Ах, я и забыл, ты ведь

тоже такого же цвета. Мне передавали, что он шептался с тобой. Интересно, о чем это? — Он помолчал, насмешливо глядя на меня, затем, вздохнув, продолжал: — Мне давно известно, что вы оба красные, но я щадил и его и тебя. И вот к чему привела моя доверчивость. Особенно тяжело мне, что я встречаю такую черную неблагодарность. И со

стороны кого? Своего юнга! Которого я намеревался сделать человеком и любил почти как сына, в душе, конечно. Не хмурься, мой мальчик, я прощаю тебя. А сейчас следует подумать о ночлеге. Я думаю, что сегодня после такого мирного ужина мне не следует оставлять тебя одного. Советую прогуляться перед сном и принести мое одеяло, оно пригодится мне ночью.

Я схватил острогу и стал перед палаткой.

— Уходите! — крикнул я. — Вы все врете! Я не верю вам. Уходите лучше!

Он поднялся, с опаской обошел меня. Остановился, недобро усмехаясь.

— Ты опаснее, чем я думал. Только помни, за меня ты заплатишься головой. Тебя в лучшем случае повесят, как пирата.

— Никто не узнает. Акулы спрячут вас в своем брюхе.

— Ты положительно делаешь успехи, — он пошел, время от времени оглядываясь и чему-то усмехаясь.

И все-таки в тот день мне удалось добыть огонь. Произошло это совершенно случайно, без каких-либо усилий с моей стороны.

Увидев, что капитан «Ориона» бродит возле канала в поисках орехов, я крадучись отправился на его территорию. Там я оставил очень красивую раковину, золотисто-желтую с черными пятнышками, я нашел ее в первый день на мелководье, и она должна лежать где-нибудь возле коралловой глыбы.

Раковину я так и не нашел, наверное, Ласковый Питер запустил ее в лагуну, зато захватил несколько осколков стекла, чтобы отшлифовать древко остроги. Среди этих стеклышек было выпуклое донышко бутылки или баночки из очень чистого стекла. Вернувшись на свою половину острова, я стал скоблить острогу, радуясь, что дерево становится красивым и гладким. Доннышком скоблить было неудобно, я хотел было его разбить на несколько частей и, примеряясь, как бы это лучше сделать, неожиданно вспомнил о лупе — подарке отца, лупа была немного больше, чем это донышко, но почти такой же формы.

«А что, если?..» — подумал я, повернув осколок к солнцу. На моих штанах появилось ослепительное пятнышко, затем пошел дымок от тлеющей ткани.

Редко в своей жизни, полной случайностей, я чему-нибудь радовался больше, чем этой дырке на своих единственных штанах.

Не долго думая, я собрал ворох кокосового волокна, скорлупы — и костер запылал.

Я сидел у огня и пировал. У меня на «столе» были жареная рыба и кокосовый орех, по вкусу схожий с лимонадом.

Внезапно мой ужин нарушило появление Ласкового Питера. Он появился, еле переводя дух. Отдышавшись, сказал, не скрывая досады и зависти:

— Мне показалось, что приехали за нами!

— Никто не приезжал.

— Как же ты добыл огонь, неужели трением? Этого не мог сделать еще ни один европеец!

— Трением, — ответил я, прикладываясь к ореху и не спуская с Питера глаз.

— Удивительно, как это тебе удалось. Надеюсь, ты покажешь мне на досуге. — Он такими глазами смотрел на жареную макрель, что я протянул ему шашлык.

Наевшись и напившись, этот человек, не сказав ни слова благодарности, набрал полную скорлупу горячих углей и быстро зашагал восвояси. В этот вечер у него долго горел костер, он что-то жарил и ел, наверное улиток или ракушек. А я при свете костра осторожно медным гвоздем обкалывал и обтачивал куском коралла острые кромки своей лупы, прикидывая, что буду делать завтра. Но долго ничего интересного придумать не мог, кроме рыбной ловли и приготовления пищи. Я уж пожалел, что мне попался такой крохотный островок, на котором за час с небольшим можно пересчитать все пальмы. Вот если бы остров был как остров, то тогда можно было бы отправиться в поход, заняться охотой... В лагуне плеснула рыба или кальмар. Я поежился, представив

себе, какая жуткая темнота стоит сейчас там, какие страшные чудовища поднялись из глубины, выплыли из расщелин и непроглядных зарослей.

Сколько в лагуне хранится удивительных тайн — никто никогда не узнает о них, если не найдется исследователя! Если бы у меня была лодка! Но ведь можно попытаться сделать плот! С плота даже удобней заглядывать в глубину...

Бой в океане

Утром, выкупавшись и позавтракав, я пошел бродить по берегу в поисках материала для плота. Я не думал отправляться в плавание по океану. С плота я мог с большими удобствами охотиться на рыб, заглянуть в любой уголок лагуны или переплыть ее, не тратя сил на ходьбу по вязкому песку. Наконец, на плоту не надо было опасаться каждую минуту, что тебя ударят куском коралла по голове. С этими мыслями я принялся за дело: перетащил на берег лагуны обломок реи, на ней был кусок отличного линя, нашел полузасыпанный песком ствол пальмы, сухой и легкий. Это была не кокосовая пальма, а какая-то другая, и тоже приволок туда же. Остров омывало течение, и оно приносило сюда все, что попадало в него по дороге к атоллу.

Я нашел ящик из-под апельсинов. В шпангоуте от разбитой шлюпки, из которого я выдернул гвоздь для наконечника остроги, оставалось еще несколько медных гвоздей, и я вытащил их.

Вдали мелькала фигура капитана, он бродил по мелководью и кормился улитками, делая вид, что не

обращает на меня никакого внимания. Но я не верил его кажущемуся равнодушию и держался начеку.

Плот получился неуклюжий, у меня не было пилы, чтобы сровнять рею и ствол пальмы. Эти главные детали своего плоту я скрепил с обломками корабельных досок, используя для этого гвозди и веревку, свитую из полос, оторванных от палатки. Раму застилал досками от ящика из-под апельсинов и пальмовыми листьями. Плот хорошо выдерживал меня и вполне годился для плавания по лагуне.

Мне хотелось немедленно испытать свой первый корабль. Предусмотрительно забрав все свое имущество и запас кокосовых орехов, я пустился в плавание.

С гарпуном в руке я стоял на краю плоту и смотрел, как под моими ногами открываются долины, залитые солнечным светом, в глубине стоял сумрак, и мне чудились там какие-то таинственные сооружения. На ярко освещенном песке лежали пунцовые морские звезды, крабы торопливо перебежали эти поляны, как пешеходы — площади в большом городе. И над всем этим фантастическим миром проносились стаи фантастических рыб. Потом я стал охотиться на макрель и еще на каких-то коричневатых рыб, и все очень неудачно, рыба успевала уйти от гарпуна. Ветер медленно гнал плот к выходу из лагуны, здесь было очень глубоко, я лег на плот и, свесив голову, увидел смутные расплывчатые очертания неровного дна. Показалась акула, за ней — другая. В тени плоту стояла большая рыба, таращила на меня выпуклые глаза и шевелила губами, будто что-то спрашивала. Рыба была толстая, с большими плавниками, вся усыпанная пестрыми пятнышками. Чтобы набрать

воздух, я поднял голову над водой и увидел капитана. Ласковый Питер стоял на берегу канала, махал руками и что-то радостно кричал.

Мне вначале было непонятно, чему радуется капитан. Не увидел ли он парус или дым корабля? Я поднялся на ноги, стал смотреть в океан и ничего там не увидел. В это время отливное течение внесло плот в канал. И только теперь я понял, в какую беду попал. Плот несло очень быстро. Оставить его я не мог, потому что появились акулы, они специально сопровождали меня, рассчитывая на поживу, и теперь с десятков их вертелось вокруг плота. И все же я еще мог причалить к берегу, до него было метров пять. А там стоял Ласковый Питер и кричал улыбаясь:

— Кому суждено быть съеденным акулами, того не берут пули. Ну, что же ты стоишь? Прыгай! Они ждут!

Плот вышел из канала.

Ласковый Питер крикнул вдогонку:

— Счастливого пути, мой мальчик! — и захотал.

Мне показалось, что и чайки, и океан, и волны, разбиваясь о рифы, тоже хохочут над моим несчастьем.

Плот стал поскрипывать на волнах. Справа и слева вода кипела на рифах. К счастью, сильного прибоя почти не было.

Остров уплывал от меня все дальше и дальше, то показываясь, то скрываясь за вершинами водяных бугров. Наконец пальмы совсем утонули в воде. Пассат еще долго доносил до моих ушей слабый гул прибоя, как прощальный голос земли. И он замер, как последняя надежда.

Над океаном стояла тишина, изредка нарушаемая плеском летучих рыб. Они выпрыгивали из воды и, сияя плавниками-крыльями, парили над водой. Наверное, за ними охотились тунцы или акулы: плавники акул то и дело показывались недалеко от плота.

«Может быть, это были провожатые из лагуны? — думал я. — Они плывут, ожидая, когда развалится мой плот...»

Честно говоря, только по чудесной случайности я теперь мог бы пристать к одному из атоллов, а ведь их было так мало в этой части океана. Даже на морской карте они нанесены в виде редких точек на огромном белом поле.

Хорошо, что я захватил с собой несколько кокосовых орехов, на три-четыре дня у меня были еда и питье. Я утешал себя тем, что буду добывать рыбу. Чтобы не откладывать дела, я решил немедленно заняться охотой, но как ни вглядывался в глубину, там была пустота. Даже акулы скрылись.

Пока я переходил от надежды к самым мрачным предположениям, кончился и этот день, зашло солнце, расцветив небо закатным фейерверком.

Я лежал посредине плота. Небо качалось над мной. Звезды по краям небесного круга скрывались в черной бархатистой воде и появлялись вновь еще более яркие, лучистые, они как будто отряхивались, окунувшись в воду.

Дул пассат, океан катил гряды своих волн, увлекая куда-то мой плот. Вот когда я испытал жуткое чувство одиночества. Как мне хотелось вернуться на свой остров! Я стал упрекать себя за то, что не рискнул броситься в воду канала и не попытаться выбраться на берег, ведь не всегда акулы нападают на чело-

века. Внезапно от неприятных мыслей меня отвлек свет, вода вокруг плота засветилась. Свет шел из глубины, будто там вспыхивали и гасли зеленые и голубые лампы. Оказывается, плот окружило множество медуз. Они казались стеклянными елочными украшениями с хорошо запрятанной лампочкой внутри и заводной пружиной, которая то сжимает, то раздувает их шелковую оболочку, отделанную снизу разноцветным бисером. Свет, исходящий от медуз, почему-то подействовал на меня успокаивающе. Ровные волны ритмично покачивали плот, навевая сон. Низко опустились звезды. Мне почудилось, что они не так уж холодно и безразлично смотрят на меня. Словом, стоило мне побороть приступы слабости, уныния, как все, что я находил до этого враждебным или безразличным к моей судьбе, будто проникалось участием.

Я не стал дожидаться, пока волны расшатывают мой хлипкий плот, и принялся в темноте ощупывать крепления. Гвозди хорошо держались в стволе пальмы и в куске рей, но от постоянного покачивания в досках образовались щели. Плот еще не рассыпался потому, что я догадался углы у него связать лнем, снятым с рей. На одном из углов веревочное кольцо почти перетерлось. Опять меня выручил обрывок паруса «Ориона». Я нарезал из парусины лент, скрутил их в несколько раз и скрепил этой веревкой доску со стволом пальмы. Такие же добавочные крепления я наложил и на три других угла моего плота.

Отремонтировав плот, я заснул и проспал бы до утра, если бы меня не разбудил кальмар. Совсем крохотный, он выскочил из воды и шлепнулся мне на шею — холодный и скользкий. Спросонок я вскочил и полетел в воду. Вынырнув и забравшись на

плот, я замер, пораженный цветом океана. Он был красный, как знамя, и весь переливался, будто полотнище под ветром. Небо на северо-западе тоже налилось кровью. Оттуда долетал глухой орудийный гул. «Морской бой, — догадался я, — ишь как грохочут орудия. Наверное, горят линкоры, а может быть, подожгли нефтеналивное судно и нефть бушует пламенем на воде». Я видел уже такой пожар, когда мы шли на «Осло». Тогда горел в Бискайском заливе английский танкер, взорванный фашистской торпедой.

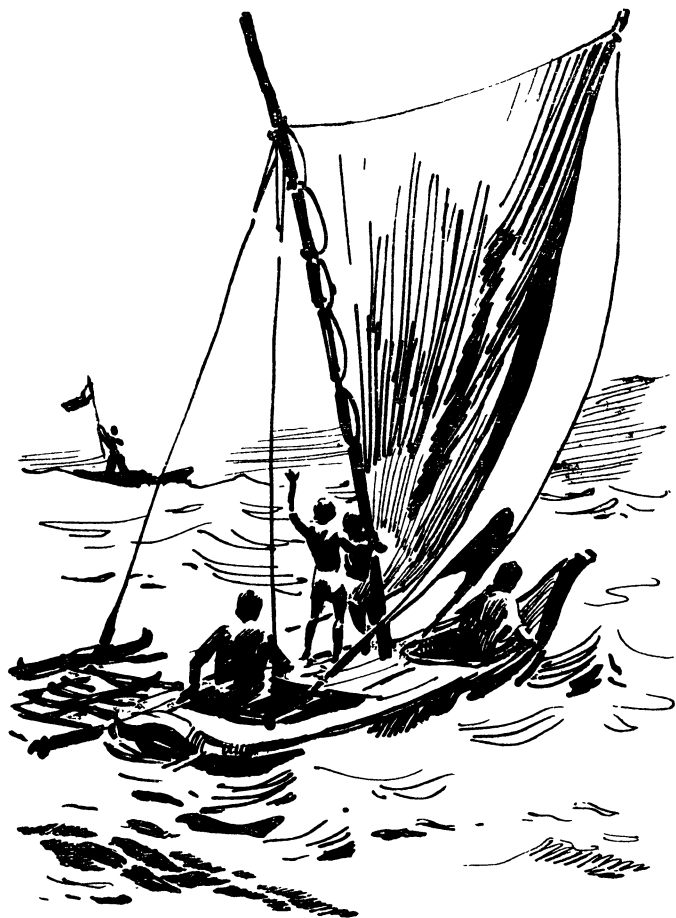
Внезапно я почувствовал, что проваливаюсь. Мой плот стал расползаться в стороны. Я спустился в воду и при свете зарева увидел, что лопнуло сразу два крепления. И на этот раз мне удалось починить плот, но я понимал, что это ненадолго, в конце концов он неминуемо должен развалиться. На всякий случай я завязал орехи и острогу в остаток паруса и прикрепил все свое имущество к стволу пальмы.

Пока я воевал с плотом и волнами, орудийный гул затих. Зарево опустилось к самому горизонту, только рассвет погасил его.

Катамаран

Я стоял посреди своего плота, опершись на бамбуковый шест, и до слез в глазах смотрел вокруг. Пассат гнал пологие валы, и они то подбрасывали меня к небу, то опускали вниз.

Плот надсадно скрипывал под ногами. Палило солнце. Я поднимался на носки, когда плот оказывался на гребне, чтобы увидеть как можно дальше. Но

даже птицы не попадались на глаза. Им нечего делать так далеко от земли, они держатся у барьерных рифов и в лагунах, где вода кишит жизнью. Только иногда проносился, чуть не задевая крыльями воду, буревестник. Я никогда не видел, чтобы эта птица хватала добычу, как будто она вылетала на прогулку, и чем хуже погода, тем приятней для нее.

Невдалеке прошло стадо касаток. Острый плавник одной из этих хищниц я принял за парус и чуть не вскрикнул от радости. Промчались касатки, и я, не веря своим глазам, увидел парус. Ошибиться было нельзя: мой путь пересекал катамаран — лодка с противовесом. Я стал кричать, но скоро понял, что меня никогда не услышат, ведь до лодки было около километра. Тогда я сорвал рубаху, надел ее на острогу и стал махать над головой.

Лодка легла на другой галс и стала быстро приближаться ко мне.

В катамаране было четверо смуглых людей. Мужчина управлял суденышком, впереди него сидела женщина в ярком платье, двое мальчишек в трусиках стояли возле мачты, махали руками и что-то кричали на незнакомом языке.

«Это, наверное, семья островитян-полинезийцев», — подумал я тогда и оказался прав.

Когда до плота оставалось метров двадцать, рулевой подал команду, и мальчишки быстро опустили парус. Катамаран покачивался рядом с плотом. Я видел, что встреча со мной произвела на полинезийцев очень сильное впечатление. Мальчишки быстро заговорили оба разом, отчаянно жестикулируя, их слова заглушали степенную речь мужчины, но я понимал по его лицу, что он осуждает мой сумасбродный по-

ступок, только женщина сочувственно улыбалась и покачивала из стороны в сторону головой.

Мои спасители не могли понять, как здравомыслящий человек мог отправиться в плавание на таком углу плоте. Они видели на нем зеленые листья пальмы, мои запасы продовольствия и, конечно, думали, что я обдуманно пошел на такое рискованное предприятие.

Я только улыбался и разводил руками.

Покричав немного, мальчишки прыгнули в воду, и вот они уже рядом со мной на осевшем плоту. Ребята весело улыбались и пританцовывали; вероятно, океан не часто устраивал им такие забавные встречи. Мальчишки чуть не перевернули плот, но отец прикрикнул на них и жестом пригласил меня в катамаран. Лодка была длинная, узкая, заваленная мешками, сетями, циновками и разным скарбом; видно, эти люди ехали куда-то надолго, а может быть, и совсем переселялись на другой остров.

Я перебрался в лодку, ставшую бортом к плоту.

Тем временем мальчишки предали полному разорению и осмеянию мой плот, сбросив с него настил из пальмовых листьев. Глава семьи сказал что-то в мой адрес, покрутив пальцем возле виска, чем вызвал смех всего семейства, да и я, безмерно счастливый, хохотал вместе с ними.

Ребята ловко взобрались в лодку, и мы втроем подняли парус. Катамаран вздрогнул, наклонился и, набирая скорость, стал удаляться от жалких обломков дерева и пальмовых листьев. Он очень низко сидел в воде, почти черпая воду бортами. Вначале мне казалось, что его вот-вот зальет водой, но в самую, казалось, последнюю минуту суденышко встряхива-

лось, как утка, и грозная волна прокатывалась под его днищем.

Мальчик постарше, его звали Тави, очистил один из моих орехов, проткнул его и подал мне. Остальные орехи они поделили между собой. Впоследствии я с удивлением узнал, что, отправляясь в плавание, эти беспечные люди не взяли с собой продуктов, так как, по их понятиям, путешествие было небольшим, всего каких-нибудь сто-двести миль.

Подкрепившись, мы стали объясняться главным образом с помощью мимики и двух десятков слов на жаргоне, принятом среди моряков, плавающих в этих водах. Я узнал, что семейство отправилось заготавливать копру. Отца звали Сахоно, мать — Хуареи, старшего сына, как я уже сказал, Тави, а младшего — Ронго. К моему удивлению, они уж знали о гибели «Ориона». Как только я назвал шхуну, Сахоно закивал головой, печально поджал губы и выразительно опустил руку ладонью вниз.

Они шли всю ночь и тоже видели зарево на небе и слышали грохот боя, но, как мне показалось, никто из них не представлял, что там происходило. Да знали ли они, что почти весь мир воюет? Сюда война, наверное, докатывалась только непонятным грохотом и странными небесными явлениями.

Среди слов, произнесенных Сахоно, я уловил имя шхуны «Лолита». Он говорил о ней и показывал рукой по курсу катамарана. О «Лолите» ходили среди матросов рассказы, как о настоящем пиратском судне. Пользуясь военным временем, пираты грабили торговые корабли.

Так «Лолита» была здесь! Не с «Лолитой» ли должен был встретиться «Орион» и передать оружие?

«Но сейчас все это меня нисколько не касается, — думал я. — «Орион» на дне, Ласковый Питер один на острове, подольше бы к нему никто не приезжал. Я же буду жить с этими людьми до тех пор, пока не приедут скупщики копры, и тогда наймусь на их корабль. Они наверняка увозят копру в Австралию, а там должен же быть советский консул».

— Жарь прямо к своему консулу, — вспомнил я слова дядюшки Ван Дейка. — Только бы нам зайти на денек в порт, где есть твои соотечественники.

Я размечтался о том, как в конце концов доберусь до родных берегов, как встречу со своими. Мне захотелось каждому из них что-нибудь привезти и подарить. Хотя бы по коралловой веточке или по раковине. Какие великолепные раковины я видел на дне лагуны!..

Заметив, что я задумался, Тави и Ронго стали о чем-то вполголоса разговаривать, поглядывая в океан. Сахоно мурлыкал какую-то протяжную мелодичную песню, а его жена, видно, взялась за прерванную работу: стала приметывать рукава к синему платью, видно она была большая модница.

Вскоре после полудня из колеблющейся поверхности океана показались кроны пальм и донесся шум прибоя.

Стоял прилив, и почти все рифы были закрыты водой. Сахоно мастерски вел свой корабль, меняя галсы; мы шли против ветра. У самого берега Тави и Ронго убрали парус, и катамаран, увлекаемый течением, вошел в канал: вода теперь вливалась в лагуну.

Я с удивлением озирался по сторонам. Все здесь было знакомо: стволы пальм, очертания коралловых

глыб, песок на берегу какого-то особого голубоватого оттенка.

«Ну, конечно, это мой остров! — подумал я. — Не хватает только Ласкового Питера».

И в этот миг, словно для того, чтобы рассеять мои последние сомнения, на берег лагуны из-за стволов пальм вышел человек и остановился, расставив циркулем ноги и держа руки в карманах шорт.

Сахоно направил катамаран прямо к моему первому лагерю. Я не ошибся, когда предположил, что там останавливаются сборщики копры.

Тави и Ронго с радостными возгласами попрыгали в воду и наперегонки поплыли к берегу.

Я кричал им, чтобы они вернулись.

— Акула! Акула! — тщетно зывал я.

Отец и мать только улыбались моему волнению. Ни тени беспокойства не было на их лицах, даже когда мимо лодки действительно пронеслась акула и, как мне показалось, погналась за ребятами. Наверное, это был вид, не опасный для человека.

Пловцы благополучно добрались до берега и разглядывали Ласкового Питера.

Меня он встретил добродушной улыбкой и словами:

— Мой милый мальчик, как я счастлив видеть тебя. — Тем же тоном продолжал: — Ты, мерзавец, вероятно, имеешь какой-то талисман. Будь на твоём месте нормальный человек, он уже сто раз мог бы отправиться в ад. Все же не падай духом, кому суждено быть повешенному, тот не утонет! — Он захохотал так заразительно, что вся семья полинезийцев тоже покатилась со смеху.

Мне было не до смеха, я сказал:

— Вешают только пиратов.

— Я позабочусь, чтобы на этот раз сделали исключение.

— На «Орионе» вы хотели меня списать за борт, здесь — застрелить. За что? Что я сделал вам плохого?

— За то, что я увидел тебя насквозь, за то, что ты отказался повиноваться мне! За то, что ты отравил мне жизнь на этом прелестном острове! За то, что ты мешаешь мне! Надеюсь, этого достаточно. — Он, улыбаясь, добавил: — Ну, зачем ты вернулся, у тебя был единственный шанс спастись и ты не воспользовался им?

Мне стало страшно от этой холодной, беспощадной ненависти, я сжал рукоятку ножа в кармане и сказал:

— Нет, это вас повесят, когда узнают, что вы доставляете оружие пиратам «Лолиты»!

Он пристально посмотрел на меня.

— О, да ты был связан с У Сином. Только он да я знали об этом. Ну хорошо, можешь не отвечать мне, кто сообщил тебе эту тайну. Ответишь на «Лолите». Там, где тебя повесят. Как это пел негр Чарли: «Пусть теперь попляшет он, ребята. Вздернем мы сегодня старого пирата». Не так ли?

Полинезийцы улыбались, не понимая ни слова, они думали, что я встретил настоящего друга.

Под вечер на остров пришли еще три катамарана с заготовителями копры. Остров ожил. Запылали костры, зазвучала непонятная мне речь полинезийцев.

Я остался с семьей Сахоно, подальше от Ласкового Питера.

У Ронго и Тави были замечательные гарпуны, древко каждого покрывала затейливая резьба, изображающая сцены из жизни островитян. Как они ловко пользовались этим оружием! Редко-редко гарпун не попадал в цель. Я потихоньку спрятал свой неуклюжий гарпун в песке, а ребята сделали вид, что не замечают пропажи. Втроем мы охотились двумя гарпунами и за полчаса наловили столько рыбы, что Сахоно укоризненно покачал головой и велел часть улова отнести соседям.

Допоздна мы сидели вокруг костра, жарили и ели какую-то необыкновенно вкусную рыбу. Ласкового Питера я не видел в тот вечер, а утром он уехал на одном из катамаранов.

Сахоно махнул рукой в океан и сказал:

— «Лолита» капитан!

Я понял, что Ласковый Питер нанял катамаран и отправился на «Лолиту», которая находилась где-то поблизости. Как легко мне сразу стало! Я радовался, что навсегда избавился от своего смертельного врага, не подозревая, сколько мне еще придется перенести от этого человека.

Охота на осьминогов

Заготовка копры — очень несложное дело. Тави, Ронго и я собирали с земли опавшие орехи, затем топориками разрубали их на две половинки. Сахоно и его жена складывали половинки одна на другую выпуклостями кверху в красивые пирамиды. Когда мякоть орехов, продуваемая ветром и палимая солн-

цем, высыхала, мы выковыривали копру из скорлупы кривыми ножами и складывали в мешки.

Полинезийцы работают легко, стараясь не переутомляться. Все равно копры не соберешь больше, чем ее есть в орехах нескольких десятков пальм, принадлежащих семье. Поэтому мы занимались копррой часа три-четыре в день, а остальное время купались, ныряли за жемчужными раковинами, охотились с гарпунами на рыб и в лагуне и у барьерного рифа.

На третий день утром Ронго и Тави отправились к рифу. Они пытались мне что-то объяснить, шевеля пальцами, сутулясь и строя страшные рожи. Я понял, что они хотят познакомить меня с каким-то интересным обитателем океана, и согласно закивал головой.

Мы поплыли вдоль рифа. Была самая крайняя точка отлива, разноцветные скалы, обросшие водорослями, торчали из прозрачной голубоватой воды. Мои товарищи то и дело погружали головы в воду из любопытства, и я затаив дыхание стал следовать их примеру. Солнце только поднялось и косыми лучами пронизывало необыкновенно прозрачную воду. Под нами причудливые коралловые кусты, скалы, подводные леса водорослей. Множество рыб сновало в этом сказочном мире. Тут были уже знакомые мне существа, такие пестрые, яркие, они, словно модницы, хвастались своими обновами. При виде двух-трех рыб мне стало не по себе. Особенно одно губастое страшилище метров трех длиной почему-то плыло чуть ниже и пялило на меня круглые фиолетовые глаза.

Если бы не мои спутники, то я мигом повернул

бы к острову, соседство таких чудовищ было не очень-то приятным. Но ребята плыли как ни в чем не бывало, и мне было стыдно отстать от них.

Внезапно Тави поднял руку и нырнул. До дна было метра два. Я видел, как он проплыл над трещиной, вынырнул, засмеялся, сказал что-то брату и опять нырнул. Ронго и я держались на месте, следя за Тави. На этот раз он опустился ниже и остановился над трещиной. Из темноты протянулись зеленоватые веревки и обвились вокруг груди мальчика. Я увидел большие выпуклые глаза осьминога и его отвратительный клюв. Осьминог оплел Тави щупальцами. Я чуть не глотнул воды от ужаса и, подняв голову, встретился со смеющимися глазами Ронго. Он набрал воздуха и нырнул к брату. Я тоже нырнул следом. Ронго сделал мне в воде знак не мешать ему. Все-таки я не послушался и чуть было не погубил все дело. Я схватил Тави за руку и рванул к себе, а, как я узнал после, человека-приманку следует очень осторожно тащить вверх, тогда осьминог отпускает и те щупальца, которыми он держится за скалу, стараясь не упустить добычу. При сильном рывке он может еще крепче уцепиться за камни, и тогда его никакой силой не оторвать от них.

На этот раз все обошлось хорошо. Тави в объятиях осьминога всплыл на поверхность, и тут я увидел заключительную часть охоты. Ронго схватил морду осьминога, оторвал его клюв от груди брата, и... меня замутило от страха и отвращения. Этот мальчишка впился зубами в хрящ между огромными глазами страшилища. Мгновенно щупальца осьминога отстали от тела мальчика, а тот поплыл к берегу, часто оглядываясь и разговаривая с бра-

том, как будто ничего особенного не случилось. Эти ребята всегда вызывали во мне чувство завистливого восхищения. Они плавали, как рыбы, акулы были для них вроде злых собак, от которых не так уж трудно отбиться или перехитрить их. Но победа над осьминогом неизмеримо подняла Тави и Ронго в моих глазах.

Отдохнув на рифе, братья поплыли опять. На этот раз приманкой был Ронго. Так, чередуясь, они добыли еще двух небольших осьминогов. Когда мы вылезли на риф отдохнуть, Ронго ткнул меня пальцем в живот и, скаля белые зубы, показал глазами на воду. Брат его стал что-то быстро объяснять мне, наверное уверяя, что ничего страшного и опасного нет в этой охоте.

Я кивнул, давая понять, что сам проделывал и не такие шутки, и как можно беззаботней улыбнулся, хотя мне было, по правде сказать, не до улыбок. Живой осьминог, выглядывающий из своей засады, был так мало похож на тех оранжево-серых существ, что безжизненными комочками лежали у наших ног.

Тави и Ронго, издав радостные крики, попрыгали в воду и принялись за поиски. Они, как мне показалось, необыкновенно долго разыскивали подходящий экземпляр, совещаясь и отвергая мелочь. Им хотелось найти для меня достойного противника, ведь я был больше их ростом и казался сильнее.

Эти подводные егери выследили, наконец, нужную дичь и, одобрительно улыбаясь, кивали головами, сидя на рифе. Они уже разозлили осьминога, проплыв несколько раз над трещиной. Пришел мой черед. Все было необыкновенно просто по их поня-

тиям, каждый мальчишка на островах проделывал все это несчетное количество раз просто так, для забавы.

Я нырнул к расщелине, закрыв глаза и прикрыв их рукой, как делали Ронго и Тави. Возле самого дна что-то туго, как резиновым жгутом, перетянуло мне руку выше локтя, затем сдавило шею, грудь. Я испугался до ужаса. Не прошло и нескольких секунд, а мне уже не хватало воздуха, я задыхался. Схватив ногу спрута, я попытался ее оторвать, а она придавила мне пальцы к ребрам так, что что-то хрустнуло во мне. Потеряв счет времени, закусив губы, я вырывался. Одну руку мне удалось немного освободить, я ухватился за что-то скользкое, плоское. Попав в объятия осьминога, я закрыл глаза, теперь же я открыл их и увидел отвратительную голову с огромным клювом и большими человеческими глазами. Чудовище смотрело на меня пристально и насмешливо.

«Что, попался!» — говорил этот взгляд.

Нащупав ногой скалу, я стал отталкиваться от нее, но осьминог так сдавил меня, что я едва не раскрыл рот, чтобы закричать в воде. А Тави и Ронго все не было. Я чувствовал, что теряю сознание, что сейчас мои легкие наполнятся водой.

Осьминог беззвучно хохотал мне в лицо, нагибаясь все ниже, ниже...

Больше я ничего не помню.

Очнулся я на рифе. Как из непроглядного мрака, возникли передо мною две коричневые фигурки. Они застыли, стоя надо мной. И вдруг запрыгали, захохотали, стали меня тискать, поднимая на ноги. Но я еще долго лежал и кашлял, выплевывая соле-

ную воду, и жадно дышал и не мог надышаться чудесным воздухом, насыщенным запахами моря, солнца, водорослей.

Тави показал мне осьминога. Страшное чудовище, чуть не убившее меня, оказалось на суше таким жалким, маленьким, щупальца у него безжизненно повисли, только глаза казались живыми и смотрели зло, враждебно. Почему-то мертвый спрут напоминал мне капитана. У того также была страшная мертвая хватка, когда он был уверен в своей силе, и казался хилым и слабым, оказавшись побежденным.

Ребята насадили весь улов на острогу, взяли ее на плечи. Прыгая с камня на камень, мы отправились к стоянке. Возле хижины братья разыграли перед родителями целое представление, изображая охоту на осьминогов. По тому, как они часто выкрикивали мое имя и тыкали в меня пальцами, я понял, что они сверх меры превозносят меня, как выдающегося охотника за осьминогами. Тави упал на песок и, весь извиваясь, стал изображать мою борьбу с осьминогом. Выходило, что я разделался с ним еще под водой. Ронго прыгал вокруг и выкрикивал недостающие пояснения.

Родители ахали, качали головами и улыбались. Мне кажется, все это делалось для того, чтобы сгладить мою неудачу.

На ужин Хуареи подала щупальца осьминогов, сваренные в морской воде. Хозяева ели с аппетитом розовое мясо. Взял и я кусочек, стал вяло жевать, вспомнив клюв и огромные глаза, насмешливо глядящие на меня. Все-таки я съел кусок и потянулся за вторым, мясо осьминога напоминало ножки белых грибов.

„Лолита“

Необыкновенно быстро пролетели десять дней беззаботного житья на коралловом острове. Еще несколько раз мы отправлялись на риф охотиться за осьминогами. Я уже довольно смело бросался в объятия спрутов, но никогда это не доставляло мне особого удовольствия. Но, как мальчишке, мне не хотелось отставать от товарищей и тем более выказывать трусость. Но в этой игре-охоте я всегда оставался «наживой» и не мог убить осьминога, перекусив его переносицу зубами. Ронго и Тави посмеивались над моей непонятной брезгливостью и с видимым удовольствием приканчивали осьминогов.

На восьмой день после возвращения на остров погода стала портиться. Небо подернулось оловянной дымкой, ветер стих, только прибор загрохотал сильнее. Где-то недалеко бушевал ураган. Сахоно покачивал головой и подолгу стоял со своими соплеменниками, видимо обсуждая, будет или не будет буря. В конце концов они, наверное, решили, что ураган пройдет стороной. Это было видно и по их поведению: никто из них не убрал копру в мешки, не укреплял стойки хижин, построенных из пальмовых листьев. Женщины весело судачили, собравшись возле костра наших соседей. С Ронго, Тави и другими ребятами мы охотились на морских черепаха в лагуне. Нам удалось загнать в сеть черепаху килограммов на сорок. С криком и смехом мы выволокли добычу на песок и перевернули на спину. В это время кто-то из ребят крикнул и показал рукой в океан.

К острову приближался большой корабль с уб-

ранными парусами. Он шел очень быстро, видно на нем стояли мощные двигатели, и вел его между рифов очень опытный лоцман... Минут через двадцать корабль уже вошел в лагуну. Низко сидящий в воде, покрашенный под цвет океана, он был очень красив со своими гордо откинутыми назад мачтами. Бушприт поддерживала фигура женщины. На носу была надпись золотыми буквами «Лолита».

«Лолита» неслась прямо на нас. Внезапно мачты у нее задрожали, и она остановилась в двадцати метрах от берега, в клюзах загрохотали цепи, и в воду полетели сразу два якоря.

Я рассматривал шхуну, стоя на коралловой глыбе...

Так вот какая она, «Лолита»! Никогда бы не подумал, увидев в порту этот красивый корабль, что на нем плавают морские разбойники.

Но никого похожего на пирата я пока не видел. По палубе пробегали матросы в серых робах, крепили снасти и выполняли еще какую-то будничную работу. Наконец палуба опустела, остались только несколько матросов, да вахтенный штурман в белом костюме расхаживал по крылу низкого мостика. К штурману подошел матрос и тотчас же опрометью бросился к рынде — колоколу, висевшему сбоку рубки. Над островом разнесся тревожный звон, и на палубу высыпала команда, очень многочисленная даже для такого большого корабля. Над фальшбортом мелькали темные лица, бескозырки с белыми чехлами. Матросы строились на шканцах — посередине корабля. Засвистел боцман, и матросы замерли, повернув головы в сторону рубки. Оттуда шел низенький офицер, смуглый, во всем белом,

с золотыми нашивками капитана на рукавах, похожий на японца, а рядом с ним вышагивал... Ласковый Питер. На нем была белая рубаша и красные шорты. Он увидел меня, наклонившись, что-то сказал капитану «Лолиты», затем помахал мне рукой, провел пальцем по шее и, улыбаясь, показал на рею грот-мачты.

За ним на некотором отдалении два матроса с автоматами, висевшими на шее, волокли по палубе полуголого истерзанного человека со связанными впереди руками, узкоплечего, похожего на мальчика. Лицо связанного показалось мне знакомым. Он торопливо вертел головой, будто искал кого-то, чтобы позвать на помощь. Где же я встречался с этим несчастным человеком?

«Да это же наш штурман с «Ориона», У Син! — узнал я, наконец, человека со связанными руками. — Бедняга, он тоже спасся, доплыл до одного из островов или его спасли, чтобы казнить!»

Мне припомнился весь разговор с капитаном, обвинявшим его в гибели «Ориона». Наверное, штурман что-нибудь подстроил, чтобы корабль пошел на дно с грузом оружия. А может быть, действительно его снесло на рифы ветром и течением? Но нельзя же убивать человека, не разобравшись. И такого хорошего человека!

«Правда и мужество победят!» — говорил как-то мне он. Какая же это правда?!

Все, что прежде было смутной догадкой, теперь становилось понятным. Передо мной стояло действительно пиратское судно, раз на нем убивают людей. У Сина подвели к грот-мачте и привязали к ней. Капитан остановился перед строем и стал выкрикивать что-то хриплым отрывистым голосом, показывая на У Сина. Когда он замолчал, из строя вышел матрос, похожий на гориллу. У него были непомерно широкие плечи, маленькая голова и руки ниже колен. Эта горилла в матросской форме быстро, как заправская обезьяна, забралась на нижнюю рею грот-мачты и перекинула через нее лить с петлей на конце.

У Сина отвязали от мачты и поволокли к петле. Он успел что-то крикнуть, собрав последние силы. В его голосе не было мольбы о пощаде, он, видно, бросал какие-то справедливые гневные слова в лицо капитану «Лолиты» и Ласковому Питеру, потому что оба они закричали в ответ, замахали руками. Матрос-горилла набросил приговоренному петлю на

шею и вместе с автоматчиками потянул за другой конец веревки.

Тави и Ронго стояли, полураскрыв рты. В их глазах застыл ужас. Сахоно дышал так, будто только что спасся от барракуды. Жена сидела на корточках, закрыв лицо руками.

Ветер раскачивал повешенного.

По свистку боцмана матросы расходились по кубрикам. Ласковый Питер крикнул мне, остановившись у фальшборта:

— Эй, мой мальчик! Видел, как пляшут на рее?..

Надо было бежать с этого острова куда угодно, как угодно!

Я схватил Сахоно за руку и стал упрашивать его, умолять сделать это немедленно. Как ни удивительно, Сахоно понял мою странную смесь слов, скорее догадался, что мне тоже грозит смерть, и стал говорить что-то успокаивающее, похлопывая меня по ладони руки.

Я подбежал к лодке, но Сахоно осторожно взял меня за плечи и показал глазами на небо и море. Я понял, что выйти из лагуны сейчас нельзя. Лодку разобьет в щепки в полосе прибоя или перевернет вдаль от острова.

Ветер налетал порывами и неистово трепал кроны пальм. Порыв ветра ураганной силы унес нашу хижину, построенную из пальмовых листьев. Над лагуной парила чья-то циновка. Сахоно бросился к лодке.

Разговоры о погоде, приход «Лолиты», а затем казнь У Сина отвлекли главу семейства от насущных дел. Теперь он наверстывал упущенное.

Напрягая все силы, мы вытащили до половины лодку на берег, привязали ее веревкой к ближайшей пальме.

Ветер стих, и я, несмотря на протесты хозяина, стал перетаскивать его мешки с копррой под защиту коралловой глыбы. Мне помогали Тави и Ронго. Когда мы перетаскивали все мешки, Сахоно иронически улыбнулся. Нашу работу он считал попросту ненужной, видно рассуждая, что если мешки снесет в лагуну, то копра ведь не утонет и утром ее можно спокойно выловить, к тому же мешки с метками.

Мы очень удобно устроились за глыбой. Я удивился беззаботности своих друзей. Сахоно уже улыбался, рассказывая что-то смешное, а жена и сыновья покатывались со смеху. Затем они обратились ко мне. Я понял, что они успокаивают меня, говорят, что такого человека, как Ласковый Питер, мне бояться не следует, а наказан, наверное, очень плохой человек. В конце концов улыбнулся и я, чем вызвал общий взрыв восторга.

Ветер с ревом и свистом кидался на наш крохотный островок. Орехи, как пушечные ядра, пронеслись над нами и падали в побелевшую от пены лагуну. «Лолита» приплясывала на мелкой волне, металась из стороны в сторону, сдерживаемая двумя якорями.

Я смотрел на шхуну и желал ей всяческого зла. Как мне хотелось, чтобы не выдержали цепи и ее бы вынесло в океан, как мой плот!

Словно в ответ на мои мысли из выхлопной трубы на корме шхуны показался дымок; заработали дизели, помогая пиратскому кораблю увереннее держаться против ветра.

Огибая глыбу, в лагуну полилась вода. Как же была велика волна, если она перекатилась через рифы и у нее еще хватило силы захлестнуть остров!

Скоро полил тропический ливень такой силы, что водяные струи закрыли все вокруг, превратив день в кромешную ночь.

Буря продолжалась часа четыре. Ветер стих так же внезапно, как и налетел. Улеглись волны в лагуне, на ее свинцово-серой поверхности плавали кокосовые орехи, немудреный скарб полинезийцев и множество белых кусочков копры: кто-то из земляков Сахоно понадеялся на авось и не спрятал урожай от ветра.

Перед заходом низко над гребнями волн расхोдившегося океана показалось солнце, пообещав на завтра хорошую погоду.

Неунывающий Сахоно послал своих сыновей на пальмы, и вниз полетели гигантские листья для постройки новой хижины. Мы соорудили ее быстро. В одном из мешков было кокосовое волокно, из него получилась хорошая сухая подстилка, и все улеглись на ней. Семья полинезийцев быстро уснула, только мне не спалось. Я смотрел на силуэт корабля со страхом думал о завтрашнем дне.

Все огни на «Лолите» были погашены, светились только несколько иллюминаторов. Послышалась джазовая музыка, потом проигрыватель замолчал и кто-то хриплым голосом запел под аккомпанемент банджо. Жутко было слушать эту невеселую песню и видеть, как на нее чернеет мертвый штурман У Син.

Магнитная мина

На следующее утро, так же как и после первого небольшого шторма, над островом сияло солнце, на небе не было ни облачка, и только прибой напоминал о пронесшемся урагане.

На «Лолите» утром шла уборка, ее мыли и скребли, подтягивали тали, подкрашивали борта. Еще уборка не кончилась, как раздались частые, тревожные удары в рынду. Серые люди заматались по палубе, занимая места по боевой тревоге. Неизвестно откуда в руках у каждого появились автоматы, на баке, возле брашпиля, оказалась пушка, на крыше рубки — крупнокалиберный пулемет.

Учения продолжались минут пятнадцать. Ласковый Питер стоял возле пушки и подавал команды.

После отбоя боевой тревоги с «Лолиты» спустили баркас, затарактела лебедка и в баркас стали грузить длинные ящики. Загруженный баркас с десятком людей направился к берегу. Затем были спущены на воду четыре шлюпки, которые до отказа заполнили матросы. Они пошли вслед за баркасом. Пристали все они недалеко от нашей хижины.

Нечего и говорить, что все, кто был на берегу, махнув рукой на свои дела, смотрели, что делается на шхуне.

На берегу матросами командовал маленький, подслеповатый с виду малаец с боцманской дудкой на груди. Говорил он вполголоса, прохаживаясь в разноразличной толпе, и каждое его слово мгновенно исполнялось. За ним, как собака, двигался человек,

похожий на гориллу. Вот боцман сказал что-то вьетнамцу, пившему сок из кокосового ореха, вьетнамец кивнул и продолжал пить, тогда боцман мигнул «горилле», и тот ударил человека с орехом в лицо своим пудовым кулаком, и вьетнамец полетел в лагуну. Этого, казалось, никто не заметил. Я подал ему руку. Он выбрался на берег, кивнул мне, улыбнулся и стоял, сплевывая кровь.

Матросы разгрузили ящики и стали их открывать. В одном лежали немецкие автоматы. Видно, ящик побывал в воде, потому что вороненую поверхность автоматов покрывала рыжая ржавчина.

В другом ящике оказались коробки с патронами, в третьем были пистолеты. Матросы подходили к бидону с оружейным маслом и наливали его в кокосовую скорлупу и уносили.

Я заметил, что на меня стали поглядывать. Наверное, причиной этого были мои выгоревшие добела волосы. Ко мне обращались на разных языках, хлопали по плечу.

«Хорошо бы стащить пистолет, — думал я, расхаживая среди пиратов, — или автомат и коробку патронов в придачу, я засяду среди коралловых глыб возле канала, пусть тогда подойдут ко мне...»

— Ты что ходишь, как в оружейном магазине? — услышал я немецкую речь. На меня пристально смотрел сидящий на песке странный тип с облупившимся носом, на его красном, потном лице клочки торчали сивые волосы, во рту поблескивали золотые зубы. — Садись, парень. Ты что, не узнаешь меня?

Я покрутил головой.

— Мы никогда не встречались с вами.

Он подмигнул.

— В Сингапуре я заходил на ваш злосчастный «Орион», ты подавал еще мне кока-колу. Конечно, я тогда был одет несколько иначе. Мы оформляли вот этот груз.

Он подбросил на руке какой-то металлический предмет, похожий на круглую буханку хлеба. Такие же «буханки» были и в руках у других матросов, они терли их масляными тряпками и с любопытством поглядывали на нас. Был среди этой группы матросов и маленький вьетнамец, которого ударил человек-«горилла». Мне показалось, что он особенно внимательно слушает и приглядывается ко мне.

Краснорожий сунул мне в руки «буханку».

— Бери клочок кокосового волоса и три маслом с песком, он здесь как наждак. Знаешь, что это за штука?

— На железные булки похожи...

Он захохотал, откинувшись на песок.

— Пропади ты совсем со своими булками, — сказал он, вытирая на глазах слезы.

— Я говорю, они только похожи на булки, — поправился я, — наверное, морские буйки.

— Попал пальцем в небо. Это, брат, такие буйки и такие булки! Ну, ну, пошевели мозгами. С виду ты умнее.

— Похожи еще на мину.

— Почти угадал. Это, молодой человек, морская магнитная мина. Не слыхал о таких? Да где тебе!

— Слыхал.

— Не может быть. Разве в России есть магнитные мины?

— Есть, и получше этих. Наши партизаны приладят парочку к фашистскому поезду с танками или еще с чем, и все летит к дьяволу!

— О-о! Да ты партизан! К дьяволу! Это верно! Все летит к дьяволу от этой булки. Надо только по-

ставить детонатор вот сюда и сунуть в трюм к борту, застучали часики, и через определенный срок — взрыв в океане. Ха-ха-ха! Словом, несчастный slučaj. Никаких хлопот. А то надо команду высаживать на шлюпки или топить вместе с коробкой. Не совсем приятное занятие, а главное — о нас начинает идти дурная слава, в то же время мы совсем не плохие ребята. Мы тоже партизаны. Ха-ха-ха!

Я стал тереть корпус мины масляной тряпкой и слушать болтовню краснорожего пирата.

— Как вы допустили, что У Син потопил такую бригантину? Больше всех виноват, конечно, ваш капитан, как это вы его зовете? Ах, да! Ласковый Питер! Здорово придумали! Если бы он меньше доверял черномазым, то мне не пришлось бы отскребать ржавчину в воскресенье. Все добрые католики сегодня молятся богу, прощая грехи ближним своим, — он опять засмеялся. — А мы вместо молитвы должны готовить для ближних вот эти подарочки. Ха-ха-ха! Задал же нам работы ваш проклятый У Син. Пришлось сгонять целую флотилию ловцов жемчуга и вытаскивать эти игрушки. Хорошо, хоть на мелком месте затонула шхуна. Выловили почти все. «Орион» был хорошим транспортным судном. Команда же доброго слова не стоила. Не то, что наши молодцы! Ха-ха-ха! Ты не особенно ее три да не вздумай крутить там, сбоку, — предупредил краснорожий. — Погладь немного, смажь — и все. Им ржавчина ни-почем, да наш боцман любит порядок. Смазывай по-гуще и опять заворачивай в бумагу.

Я вытер и смазал несколько мин, слушая болтовню краснорожего, хотя мне поскорее хотелось подсесть ко второй кучке работавших, там сидели

на корточках, все перемазанные в масле, Тави и Ронго и усердно оттирали ржавчину с оружия. С помощью ребят не так уж трудно было стянуть пару пистолетов. Но разговорчивый пират толкнул меня в бок:

— Ты что, хочешь от меня улизнуть? Не получится. Сиди. Я месяца три не говорил на человеческом языке, у нас, сам знаешь, объясняются на каком-то винегрете из английского, французского, китайского, японского и еще черт его знает какой-то тарабарщины, настоящий обезьяний язык. Правда, что ты русский? Питер говорил, да я не особенно этому верил. Думал, норвежец. Но теперь, когда ты рассказал о партизанах, приходится согласиться, что ты русский. У нас еще не было ни одного русского. Есть француз-артиллерист, он сейчас на вахте, вот та горилла, кажется, голландец или швед, а русско-го нет ни одного, остальные, сам видишь, черные и шоколадные ребята, но дерутся, как дьяволы. Ты зачем поссорился с Питером? Зря, парень, ты это сделал. Он здесь имеет вес. Если ты ему нужен, он станет за тебя горой. Извинись. Я тебе советую это сделать. Ну, даст пару раз по роже, на этом и дело кончится. В противном случае я за твою голову не поставлю даже фартинга. На «Лолите» поговаривают, что ты был связан с У Сином. Я не совсем верю, да у нас, сам знаешь, только пусти слух — и от парня останется одно воспоминание. Так что ты подумай. Советую. Мы ведь с Ласковым Шварцем пришли сюда на одной подводной лодке. Я доволен, что вылез из этого железного гроба. Работа здесь получше, больше шансов уцелеть. Вот только плохо, что потею я здорово в этих тропиках. —

Он вытер лицо грязным серым платком. — Зато скоро придет время, буду весь день пить пиво со льдом, и вон тот черноглазый будет меня, — он пошевелил пальцами руки, — обмахивать веером. Эй, ты! — он спросил что-то у вьетнамца, тот закивал и улыбнулся распухшими губами.

— Соглашается, мерзавец, но я вот настолько ему не верю! И ты не верь. У них у всех что-то на уме против нас, поэтому всем нам, белым, надо держаться вместе. Вот улыбается, подлец, а сам, наверное, красный, или какой-нибудь голубой, или синий, только и думает, как бы нам перерезать горло. Но не на тех напали. Мы наведем здесь наш новый порядок. Не так давно все эти острова были наши, да в четырнадцатом году их захватили англичане и австралийцы. Вот тоже страна, Австралия, вроде Америки. Доберемся мы и до нее. Как видишь, здесь настоящему парню есть где применить свои руки и голову. Мы тебе подыщем подходящую работу, если, конечно, Питер не спишет тебя за борт. Все равно носа не вешай. Если придется отправляться туда, — он поднял палец, — то покажи, как отдают концы настоящие белые парни. Не люблю, когда пускают слезу или начинают кланяться. Портится все впечатление...

Боцман и его телохранитель куда-то ушли, и сразу почти все матросы перестали чистить оружие. Из ящиков они устроили столы, по доскам застучали костяшки домино, зашлепали карты. Китайцы собрались в кружок и стали выдергивать из бамбукового пенала тонкие палочки — это была тоже какая-то азартная игра. Несколько человек стали купаться. Здоровенный негр, сидевший рядом со мной, положил

мину под голову и тотчас же захрапел. Разговорчивый немец всхрапнул, прислонясь спиной к ящику.

Я задумался над своей судьбой, безучастно наблюдая эту красочную картину. Ко мне подскочил Тави с пистолетом в руке. Я взял у него «вальтер» и стал вертеть в руках, думая, как бы оставить его себе. Тави понял мои мысли и, подмигнув, повернулся спиной, а я сунул пистолет за пазуху, под рубашку. Этого никто не заметил, только вьетнамец понимающе улыбнулся и опустил глаза, продолжая

медленно тереть гляцевитую поверхность мины. Внезапно у меня мелькнула мысль: «Вот бы знать, как устроена эта штука, как она взрывается».

Краснорожий внезапно проснулся, зевнул. Осмотревшись по сторонам, сказал:

— А я заснул и даже видел сон: трех белых пуделей. Хороший сон. Когда мне снятся собаки, то обязательно будет удача. Ну, а ты что нос повесил? Хочешь, возьму тебя в свою десятку. У нас самая приятная работа! Мы во время «операции» берем у пассажиров ценности на хранение. Ха-ха-ха! Ты думаешь, что мы обыкновенные пираты? Нет, парень, и здесь мы сражаемся за фюрера, за новый порядок. Ты знаешь, сколько мы пустили на дно английских и американских коробок? Ни один линейный корабль не сделал того, что сделали мы! — он полез в карман. — Давай хоть закурим, раз выпить нечего. Голова трещит со вчерашнего. Справляли поминки по штурману, а сегодня утром, вместо того чтобы опохмелиться, капитан устроил генеральную уборку и чуть не морское сражение. Хоть и не ариец наш капитан, а молодец, не уступит и немецкому офицеру.

Он протянул мне пачку английских сигарет.

— Закуривай! На той неделе прислали дальние родственники прямо из Лондона. Ха-ха-ха!

Я сказал, что не курю.

— Зря, а я вот курю и пью. В меру, конечно, и особенно если и то и другое — чужое. Ха-ха-ха!

Прикурив от зажигалки, он опять хлопнул меня по спине.

— Чем-то ты нравишься мне, парень, а вот как тебя звать, до сих пор не знаю. Ха-ха-ха!

— Фома.

— Что?

Я повторил.

Он поморщился.

— Никуда не годится. У нас не любят такие тусклые имена. Фома! Что за имя для флибустьера! Так, кажется, называли нашего брата прежде. Помню, читал в книжках. Здесь как в монастыре: там монаху дают другое имя и у нас тоже. Видишь вон того красавца с автоматом, — он показал пальцем на тощего высокого негра, — так этого крошку зовут Дохлым кашалотом, а того, толстомордого молодца, что стоит под пальмой и что-то жрет, Сопливой медузой. Есть имена и поприличней, например, молодец, что играет в кости, ну, с физиономией дохлой рыбы, так его зовут Веселым принцем. Со всем не плохо для такой образины.

Вот меня, — он шлепнул по своей мокрой волосатой груди, — меня все зовут Розовым Гансом. Красочное имя! А? Ха-ха-ха! Не беспокойся и ты. Здесь мастера на прозвища. Кстати, кое-что уже сделано. Знаешь, как тебя назвал Ласковый Питер? Он говорит: захвати, Ганс, с берега этого маленького белоголового дикобраза. Неплохо! Только длинновато. Я думаю, за тобой останется один дикобраз. Ха-ха-ха!

Мне порядком надоела болтовня Розового Ганса. Слушая его, я краем глаза следил за вьетнамцем с разбитыми губами. Что-то в нем привлекало и в то же время настораживало меня. Вдруг он скажет, что я взял пистолет? Но он и виду не подавал, сверх меры увлеченный чисткой мины. Только еще раз он

бросил на меня короткий взгляд, в нем было предостережение и сочувствие.

«Смотри, будь предельно осторожен, мой мальчик, а я не выдам тебя», — говорили его черные, как тушь, глаза.

Внезапно на берегу поднялась суматоха, игроки спрятали карты, задремавшие садились и с показным старанием брались за работу.

Появился боцман. Все взгляды обратились на него. Я почему-то посмотрел на вьетnamца и заметил, как он быстрым движением руки сровнял песок между колен. Мина, которую он так тщательно чистил, исчезла. Я хорошо видел, что он не передавал ее Розовому Гансу и не клал в ящик.

Боцман исподлобья, ничего хорошего не обещающим взглядом поглядывал на своих работников, его телохранитель шел, ссутулясь, скаля желтые собачьи клыки, руки его, как две дубины, висели без движения, только волосатые пальцы судорожно сжимались и разжимались.

Боцман подходил к нам. Розовый Ганс окинул начальственным взглядом чистильщиков мин, все были на местах: два китайца, тощий бородатый индеец, японец и еще пятеро, национальностей которых я не знал, терли или заворачивали в бумагу вычищенные мины. Вьетнамец взял ржавую мину и стал сосредоточенно счищать с ее корпуса пятна ржавчины. Только негр храпел, растянувшись на песке. Боцман сказал что-то Розовому Гансу, тот подошел и несколько раз пнул спящего ногой. Негр открыл глаза, сел и так ловко дал подножку Розовому Гансу, что тот растянулся на песке. Все побросали работу, лица пиратов оживились. Боцман остановил-

ся подбоченясь, его гориллоподобный телохранитель беззвучно смеялся, раскрыв рот до ушей и подергивая плечами. Чувствовалось по всему, что назревает драка.

Розовый Ганс и негр стали друг против друга в позе боксеров, пританцовывая на песке. Боцман свистнул, подавая сигнал для начала боя.

Противники пошли по кругу, прощупывая друг друга короткими ударами.

Зрители покрикивали, подзадоривая бойцов. Негр был опытнее, он провел серию быстрых, резких ударов, и физиономия Розового Ганса стала пунцовой, со скулы сочилась кровь. Матросы взревели, приветствуя успех негра. Розовый Ганс тоже успешно треснул противника в подбородок, и тот пошел вкось

по кругу на голых пятках. И одобрителный вой снова разнесся над островом.

Тави и Ронго подпрыгивали на месте и орали пронзительными голосами вместе со всеми. Все жадно наблюдали за бойцами. Воспользовавшись этим, я запустил руку в коробку с патронами, взял пригоршню, высыпал в карман.

Ощущая за пазухой тяжесть оружия, я почувствовал себя уверенней. Теперь по крайней мере я мог постоять за себя. Так мне казалось.

Медленно, чтобы не вызвать подозрения, я пошел прочь, хотя мне было интересно досмотреть, кто кого отлупит, хотелось, чтобы это был негр, как человек оскорбленный. Но я боялся, что, как только окончится драка, у меня отнимут пистолет.

Стоя у хижины Сахон и глядя на беснующуюся толпу, я увидел маленького вьетнамца, он стоял на том же месте, где закопал магнитную мину, и тоже кричал, и неистово размахивал руками, хотя ничего не видел в кругу, так как стоял позади и был ниже всех.

Мне показалось, что я разгадал его замысел. Сейчас должна взорваться мина, и все эти орущие люди взлетят на воздух, будут убиты. У этого загадочного человека какие-то счеты не только с боцманом и его адъютантом-«гориллой», но и со всей командой. Станным было только одно: почему он сам решил погибнуть вместе с ними?

На всякий случай я крикнул Тави и Ронго, они прибежали ко мне. Я пытался растолковать им, главным образом с помощью мимики и восклицаний, что нечего смотреть на это противное зрелище. Ребята насупились, но отец прикрикнул на них, и они

полезли на пальмы возле нашей хижины, чтобы оттуда досмотреть поединок.

Я сидел в хижине и наблюдал, как матросы нагружали баркас ящиками с вычищенным оружием. Драка давно закончилась полной победой негра. Розового Ганса положили в шлюпку и увезли на шхуну. За это время я еще раз попробовал уговорить Сахоно уехать с острова. Сахоно вздыхал, показывал на океан, ровный и спокойный, разводил руками — словом, отнекивался, не имея на то никаких причин. Наконец, смущенно улыбнувшись, он пошел к соседней хижине.

Баркас отошел вместе с боцманом и большей частью команды. У берега осталась шлюпка, а на берегу — человек десять. Несколько из них взобрались на пальмы, и вниз полетели орехи. Видно было, что им не в диковинку это занятие. Поглядывая на них, я раздумывал, где лучше всего мне спрятаться, пока «Лолита» не снимется с якоря.

Незаметно подошел маленький вьетнамец, неожиданно заговорил по-немецки. Немецкий он знал хуже меня и часто останавливался, подыскивая нужное слово, не найдя, заменял его французским. Все же я понял его. Он говорил:

— Не должен никто знать, что я говорю по-немецки. Мне известно, что вы видели, что я закопал в песке. Я тоже видел, — он кивнул на мой карман. — Наша жизнь в большой опасности. У нас с вами одни враги. Надо с ними бороться, уничтожать их или стать такими же, как они все!

Этот человек звал меня к борьбе, о которой я все время думал, но не в силах был ничего сделать один против доброй сотни вооруженных людей. И я пове-

рил ему сразу, не задумываясь, может быть потому, что во всем его облике было что-то располагающее. На моих глазах его чуть не убил человек-«горилла». Я видел, как он спрятал мину. Все это подготовило меня к его признанию.

Я задал ему целую кучу вопросов:

— Вы хотели их взорвать? Мина не сработала? Почему вы стояли на mine. Решили тоже погибнуть? Почему?

Он покачал головой:

— Совсем нет. Этого я не хотел. Стоял так, потому что ее могли разрыть, песок рыхлый. Не будем сейчас об этом говорить. Скоро вы все узнаете. — Он, посмотрев по сторонам, зашептал: — Я очень надеюсь на вашу помощь. Мы обязательно должны поговорить. Только не здесь. Можете вы взять лодку?

Я сказал, что можно хоть сейчас отправиться на рыбную ловлю.

— Нет, нет! Несколько позже, надо, чтобы ушла шлюпка с орехами. — Он все время улыбался, но глаза его были необыкновенно строги, губы дрожали. — Я останусь. Не знаю, как я все скажу вам, я так плохо знаю немецкий, лучше французский. Я приду, когда они уедут. Зовите меня Жак. — И он поспешно ушел.

Я разыскал Тави и Ронго и знаками показал, что неплохо бы порыбачить. Ребята охотно согласились.

Шлюпка, нагруженная орехами, отошла от берега. Вскоре после этого пришел Жак. Он был в трусиках и держал свернутую одежду. Когда он клал ее в лодку, то слышался глухой стук о днище. Затем

он бросил в лодку несколько коралловых глыб килограммов по восемь-десять.

Когда мы отошли от берега, Жак сказал:

— Мы вместе с У Сином учились в Шанхае. Он в морской школе, а я в школе права. Он окончил, я — нет... — Он пристально посмотрел на меня.

— Что я должен сделать?

— Помочь мне взорвать это пиратское судно. Отомстить за У Сина. Правда и мужество победят!

— Так говорил и У Син!

— Да, это наш девиз! Я понял сразу, что не ошибусь в вас.

Тави и Ронго метко попадали в серебристых рыб с продольной коричневой полосой. Нас медленно несло к «Лолите».

— Хватит рыбы, — сказал Жак. — Теперь надо доставать жемчужные раковины. Может, нас ждет удача.

Видно, то же самое он сказал и братьям на их языке. Они охотно положили гарпуны и, взяв по камню, прыгнули с лодки.

Ныряльщики, покрытые серебристыми пузырьками воздуха, стремительно опустились на дно. Оторвав от скал по паре жемчужных раковин, они всплыли и, бросив раковины в лодку, остались в воде, держась за борт. Жак тоже нырнул и достал три раковины.

— Теперь ты, — сказал он.

Я нырнул. До дна было метров двенадцать. Мне и прежде приходилось опускаться на такую глубину. Тави и Ронго были хорошими учителями плавания. Я не достал ни одной раковины, но зато отломил веточку коралла необыкновенной красоты. Братья

схватили ее и, причмокивая, стали рассматривать. Видно, и для этих мест, где щедрый океан не скупится на свои дары, алые кораллы были редкостью.

Жак сказал, взяв веточку:

— Пусть она напоминает кровь наших друзей.

Постепенно мы приблизились к проклятому кораблю.

Я спросил Жака, почему мы ныряем попусту и что он хочет делать с миной.

— Я попытаюсь незаметно добраться до корабля и поставить ее на корпус «Лолиты». Но на нем много раковин, надо выбрать место, где их нет...

Мы подошли совсем близко к «Лолите». Тави и Ронго принялись бить гарпунами макрель, стая этих рыб окружила лодку. Жак поднял со дна плоский камень, под ним была мина, и с этим грузом прыгнул за борт, я нырнул следом, но не мог поспеть за ним, так как с грузом он опускался быстрее.

Вся подводная часть шхуны действительно густо заросла раковинами, я увидел даже несколько прилипал. Но в одном месте раковин почти не было, виднелись краска и заклепки. Я остановился. Ко мне подплыл Жак с миной в руках. Я почти задышался, мне еще ни разу так долго не приходилось находиться под водой. Наконец Жак оттолкнул меня плечом, и я, отчаянно работая руками и ногами, стал выкарабкиваться из-под днища.

Прежде чем забраться в лодку, я долго держался за противовес катамарана и жадно глотал воздух. Скоро показалась черная голова Жака. Он улыбнулся и, тоже не в силах забраться в лодку, схватился за противовес.

Отдышавшись, он сказал:

— Как будто хорошо, но следует проверить.

Мы еще раз нырнули под шхуну, мина была почти незаметна, она прилипла к стальному корпусу, как раз под машинным отделением. Жак задержался подле мины, ощупал ее и даже приложился ухом к ее корпусу, не на шутку испугав меня, так как мне показалось, что мина должна от этих прикосновений неминуемо взорваться.

В лодке я спросил его:

— Когда?

— Я поставил взрыватель на предельный срок. Может, через несколько часов, может, через день. Точно я не могу сказать. Мне не удалось достать инструкцию. Это новинка. Будет очень плохо, если она сработает в лагуне. Надо, чтобы это случилось вдали от суши. — Веточка коралла алела среди рыбьих спин, Жак поднял ее, с трудом отломил один отросток и сказал: — Если мы останемся живы, то это будет память. Возьми и ты. Это очень редкий коралл...

Вечером Сахоно стал внезапно собираться...

На «Лолите» из иллюминаторов капитанской каюты доносилась музыка. Недалеко от нашей хижины горел костер, оттуда слышались пьяные возгласы.

Когда мы уже хотели отчаливать, появился Жак и прошептал:

— Очень хорошо, что ты уходишь. Там, на «Лолите», — банкет. Завтра ты будешь далеко.

Я предложил ему уехать с нами.

— Нельзя. Мое бегство может вызвать подозрение. Начнется обыск. Узнают, что пропала мина. У нас есть ныряльщики...

— Но ты погибнешь вместе с ними.

— Постараюсь избежать такого общества. «Лолита» утонет не сразу. Будет время для спасения. Пускай вода и небо помогут вам. Правда и мужество победят!

Я пожал его маленькую, сильную руку.

Когда?

Никем не замеченные, мы вышли из лагуны.

Пассат, этот вечный ветер, надул наш парус, и катамараны легко побежали к югу.

Сахоно вел свое суденышко по звездам, время от времени покрикивая в темноту, ему тотчас же отвечали голоса рулевых с других катамаранов. У ног Сахоно сидела его жена и без умолку что-то рассказывала. Тави и Ронго похрапывали среди мешков с копррой. Я тоже уснул было сладким сном человека, избежавшего смертельной опасности. Около полуночи меня разбудили громкие голоса. Светила луна. Недалеко от нас покачивалась лодка. Сахоно и Хуарей вели с ее хозяевами оживленный разговор. Я разглядел в неясном лунном свете еще несколько катамаранов, похожих на рыб, поднявшихся из глубины вод.

Ночь в океане так же тиха, как в пустыне. Там зашуршит песок, обваливаясь с крутого склона бархана, зазвенит под ветром сухая былинка и снова тишина, а здесь в безветренную ночь тишина еще полнее, еще торжественнее. Пассат в эту ночь еле дышал.

Тихий разговор людей на незнакомом певучем

языке, легкое поскрипывание противовесов только сильнее подчеркивали тишину и покой, царящие под южными звездами.

Вслушиваясь в эту тишину, я ловил каждый звук и, глядя на север, ждал, что там сверкнет вспышка и потом докатится гулкий взрыв.

«Взрыв под водой можно и не услышать, — думал я, — и пожара могло не возникнуть. Просто трахнула мина, и «Лолита» тихо пошла на дно. Спасся ли Жак?..»

До утра мы простояли на якоре среди целой флотилии катамаранов. Сюда для чего-то собрались ловцы жемчуга. В соседней лодке я заметил свинцовые грузила на длинных веревках, сетки и корзины для раковин. Меня удивило, почему они собрались в открытом океане. Дядюшка Ван Дейк рассказывал мне, что жемчужные раковины добывают в лагунах, где нет особенно сильных течений.

Все объяснил Сахоно. Ткнув пальцем за борт, он сказал:

— Орионо!

Я понял, что под водой лежит погибшая шхуна. Мы находились на банке. Иногда в ложбинах между пологими волнами просвечивали скалы, поросшие косматыми водорослями. На западе виднелся остров.

Часам к девяти утра к нашей флотилии со стороны острова подошел паровой катер, и ныряльщики принялись за работу.

«Орион» лежал боком, сильно прогнувшись посредине, на глубине восьми метров. Мачты были снесены. Наверное, его несколько раз перевернуло, пока он навечно улегся среди скал. Пробоины в корпусе темнели рваными ранами. Больно было смотреть на

корабль, который был все-таки моим домом и где, несмотря на тяжелую службу, я пережил и много хороших, светлых минут.

Я несколько раз проплыл под водой от кормы до носа «Ориона».

В воде шныряло множество ловцов жемчуга. Они со всех сторон осматривали корпус погибшего корабля и даже проникали в жилые помещения. Когда я подплыл к разбитому иллюминатору матросского кубрика и хотел заглянуть в него, то меня страшно напугал один из таких смельчаков. Он появился в иллюминаторе, держа в руке резиновый сапог.

Сахоно остался на отмели. Вся его семья ныряла под воду в поисках вещей, которые могли пригодиться в хозяйстве. Отличной ныряльщицей оказалась Хуареи. Каким-то непостижимым образом она проникла на камбуз и достала много металлической посуды, ножей, вилок и банок десять мясных консервов. Совершив этот подвиг, Хуареи надела свое яркое платье и стала кормить нас и всех, кто подплывал к лодке, трофейными консервами.

Мы уписывали консервы и смотрели, как из-под воды лебедка поднимает длинный ящик. Это был всего второй ящик за все утро. Работа была трудной и опасной. Ныряльщикам приходилось в темноте на ощупь просовывать канаты под ящики. При подъеме они задевали за борта, срывались.

Сыновьям Сахоно да и мне надоело нырять, и мы поплыли на катер. К тому же мне хотелось разузнать, нельзя ли добраться на нем до большого населенного острова. Вся команда на катере состояла из японцев. Я пробовал заговорить с ними по-русски и по-немецки, они улыбались, что-то вежливо отвечали, занятые

своим делом. Самым приветливым человеком на катере оказался машинист. Мы спустились к его пышущей жаром, шипящей машине, смотрели, как он подбрасывает уголь — машинист совмещал и должность кочегара, — подламывает длинным ломом шлак. У него были чайник и маленькие чашечки. С каким удовольствием я выпил, обливаясь потом, несколько чашечек крепкого горьковатого чая и съел рисовую лепешку!

Когда я вышел на палубу из машинного отделения, то нос к носу столкнулся с Розовым Гансом.

В то время как мы пили чай, он и еще десятка полтора пиратов подошли на баркасе. Невредимая «Лолита» виднелась в десяти кабельтовых.

Розовый Ганс осклабился и тут же болезненно поморщился. Улыбка давалась ему с трудом, так как вся его багровая физиономия была разукрашена полосками клейкого пластыря. Правый глаз совсем закрывал фиолетовый «фонарь». Глядя на него, я невольно улыбнулся, хотя на сердце у меня скребли кошки.

Розовый Ганс заметил мою улыбку.

— Победа далась мне нелегко. Хотя мне этот бой был так же нужен, как тебе наша красавица «Лолита»! Ха-ха! Проклятье, не могу смеяться. Как я рад, что встретил тебя, неуловимого дикобраза! Питер уже объявил премию за твою поимку. Пятьдесят английских фунтов. Здесь еще ходят эти бумажки. Так что мы с тобой заработали немного. Я не жаден. Пять фунтов можешь считать своими. Ха-ха!.. Эй, — он подозвал низкорослого малайца и негра, сказал что-то им, и те не отходили от меня ни на шаг, пока на баркас перегружали ящики.

Тави и Ронго поняли, что я попал в беду и не вернусь на их катамаран. Они сплавали туда и возвратились с моей одеждой. Я не стал ее надевать, нащупав в кармане штанов пистолет. Опытный глаз матроса с «Лолиты» сразу бы отгадал, что у меня там находится. Сверток с одеждой я держал в руках. Мне хотелось что-нибудь оставить на память моим товарищам Тави и Ронго. Я решил подарить свое увеличительное стекло. Тем более что они приходили в восторг от его чудесного свойства. Получив выпуклое донышко бутылки, они тут же прожгли шляпу, оставленную на палубе кем-то из команды. Матросы смотрели на это чудо, вытаращив глаза и раскрыв рты. Малаец протянул руку Тави, и, когда тот прижег ему ладонь так, что задымилась кожа, замотал рукой, лизнул обожженное место языком, но остался очень доволен. Негру тоже захотелось испытать силу волшебного донышка бутылки. Тави и ему с удовольствием прижег руку и изрешетил шейный платок. Негр захохотал от восторга и хотел завладеть стеклом, да Тави ловко передал его Ронго, и тот прыгнул с ним за борт.

Последний раз я видел ребят, их отца и мать, когда баркас направился к «Лолите». Все семейство посылало мне приветствия, стоя в своем катамаране.

Между тем Розовый Ганс говорил:

— Зря ты задумал бежать от нас. У нас здесь везде свои люди. Твоя голова дикобраза очень приметна. Самое большее через неделю тебя бы схватили и держали до нашего возвращения из рейса. Радист говорил, что недалеко появился жирный английский гусь. Ха-ха! У тебя есть возможность отличиться. Хотя

нежелание работать с нами может отразиться на твоей карьере...

Под его болтовню и скрип уключин баркас быстро приближался к борту корабля. Глядя на «Лолиту», я повторял про себя в такт гребкам: «Сегодня или завтра, сегодня или завтра». А может быть, сейчас, как только подойдем к борту. Шлюпбалки баркаса как раз над машинным отделением...

Меня проигрывают в карты

— Видишь, как тебя встречают, — сказал Розовый Ганс. — Не каждый удостаивается такой чести. Даже капитан на шканцах и Питер с ним! Он так страдал, бедняга, этот сердобольный Питер, когда узнал о твоём бегстве. Ты становишься знаменитостью. Ха-ха! Проклятые пластыри, стянули весь циферблат. — Он, кряхтя и ругаясь, стал ощупывать свое изуродованное лицо.

На палубе Ласковый Питер сказал что-то капитану, показывая на меня глазами. Капитан ничего не ответил, но с любопытством стал рассматривать меня.

— Иди за мной! — приказал Ласковый Питер.

Капитан отрицательно покачал головой и, буркнув что-то, ушел. Ласковый Питер проводил его взглядом и, пожав плечами, сказал мне:

— Хорошо, иди в матросский кубрик, оденься, потом я позову тебя. Но не думай, что ты попал в плавающий санаторий.

Ко мне подошел Жак и повел меня. По дороге он успел шепнуть:

— Старайтесь меньше быть на корме. Когда это произойдет, надо быть вместе.

— У меня нож и пистолет, — сказал я, — вот здесь, — и передал ему штаны и рубашку. — Спрячьте.

Он взял одежду. Улыбнулся.

— Все это может пригодиться.

Мы спустились по трапу в большой кубрик. За длинным столом матросы резались в карты и кости. На столе кучками лежали деньги, кольца, часы. Негр с рассеченной бровью, тот, что вчера дрался с Розовым Гансом, играл на банджо, второй негр подпевал басом, притопывая по палубе голой пяткой. Никто, казалось, не обратил внимания на мое появление. Жак провел меня между двухэтажными койками в самый конец кубрика, быстро и ловко вытащил из карманов оружие и, как фокусник, куда-то быстро и незаметно его спрятал.

— Твое место. — Он хлопнул по матрацу крайней койки. — Но спать здесь не следует, надо быть всегда на палубе.

Он ждал взрыва с минуты на минуту и не хотел, чтобы я в это время находился в помещении с узкими дверями.

Надев свой несложный костюм, я выбежал из кубрика и стал ходить по кораблю. Вахтенные матросы коротали время по своим местам. Палуба была выскоблена добела, швы между досками недавно залиты варом, несколько матросов красили стенку рубки. Попав на этот корабль случайно, никто бы и не подумал, что очутился среди настоящих пиратов.

Мы шли полным ходом на юго-запад, делая не меньше двенадцати узлов.

«Вот сейчас трахнет взрыв, полетит в воздух рубка, баркас, повалятся мачты, и от этой красоты ничего не останется. Опустится «Лолита» на дно, как «Орион», и станет жилищем рыб и осьминогов». В голову мне лезли эти не веселые мысли, но я не думал отправляться вместе с «Лолитой» на дно и на всякий случай присмотрел рундук, где лежали спасательные пояса.

У меня уже был опыт кораблекрушений и не в такую хорошую погоду, а в шторм и ночью. И я тогда не знал, что случится несчастье, а теперь у меня было время подготовиться. Как только взорвется мина, можно будет, не теряя времени, надеть пробковый пояс. Если не удастся сесть в шлюпку, то надо облюбовать подходящий обломок, а их после взрыва будет достаточно...

Занятый своими мыслями, я чуть не столкнулся с боцманом. Он обходил палубы в сопровождении «гориллы». Боцман поманил меня к себе и стал что-то внушать на пиратском жаргоне. Сообразив, что я не понимаю его, он что-то крикнул, этот возглас подхватили матросы, и он разнесся по всему кораблю. Скоро к нам подбежал Розовый Ганс. Выслушав боцмана, он перевел мне:

— Не смей ходить без дела по палубе. Здесь военные порядки. Живо загремишь в канатный ящик, или эта обезьяна проучит тебя так, что никогда не забудешь. Твое место на камбузе. Идем, я тебе пока-

жу, где у нас камбуз, и познакомлю с коком. Ха-ха! Не так давно этот кастрюльник одного парня отправил в лазарет. Взял да и плеснул ему в рожу кипятком. Другого бы посадили в канатный ящик или отдали на расправу этому симпатичному парню, — он кивнул на «гориллу», — кстати, его зовут Тони. Запомни на всякий случай.

Тони стоял потупясь и с любопытством следил за огромным тропическим тараканом, бежавшим по черному шву, как по пешеходной дорожке. Услышав свое имя, Тони поднял голову, оскалился и, с видимым удовольствием раздавив таракана ногой, поплелся к баку вслед за боцманом.

Розовый Ганс повел меня к корме, продолжая рассказывать:

— Твоему коку все это сошло с рук. Капитан запретил его трогать. И знаешь почему?

Я признался, что не знаю.

— Да потому, что такого кока выпустили в одном экземпляре. Этот китаец — занятный тип — попал к нам как трофей после одной операции. Ну и мастер своего дела, я тебе скажу! Как он, подлец, готовит свинину с капустой и еще с какой-то ерундой! Можно собственную голову проглотить с таким гарниром. Вот и его нора. Ты учти, что я люблю пожрать. Тут одно удовольствие — набить брюхо да отложить деньги на будущие времена. Ха-ха! — Розовый Ганс пнул двери ногой. Через порог перескочил большой сиамский кот, сел на палубу, почесал за ухом, презрительно глядя на нас голубыми глазами, и, издав неприятный гортанный крик, важно пошел к грот-мачте.

— Этого кота мы захватили вместе с коком.

Матросы из черных считают его чем-то вроде кошачьего бога, а мне так и хочется взять его за хвост и списать за борт. Не люблю я кошек...

Я заглянул в двери. Половину камбуза занимала плита, заставленная шипящими сковородами и булькающими кастрюлями. По стенам сверкала медью и никелем кухонная утварь. Да, здесь, пожалуй, сверкало все, начиная от стен и кончая коком. Очень толстый, в белых трусах, он стоял к нам спиной и вертел над головой пучок тонких и белых веревок. Раскрутив его, кок неожиданно хлестнул им себя по спине с оттяжкой. Раз,

другой... Встряхнул пучок, повертел его перед собой так быстро, что веревки образовали японский фонарь. Потом принялся раскатывать этот пучок на столе, посыпанном мукой, и снова крутить и хлестать по спине.

Розовый Ганс сказал с оттенком уважения:

— Как лапшу раскатывает, собака! Я нигде не ел такой лапши. Метров по двадцать длиной. Нашел конец в чашке — и глотай, как змею! К лапше он подает какой-то дьявольский соус. Проглотишь — и пожар в брюхе. Неплохо будет, если принесешь мне две порции. — Он скорчил гримасу, заменяющую ему теперь улыбку, и ушел.

Кок будто не замечал меня. Покончив с лапшой, он раскрыл одну из кипящих кастрюль, быстро обмакнул в кипяток палец, сунул его в рот, задумчиво почмокал губами, снял с полки банку и бросил в суп пригоршню соли. Открыл крышку у другой кастрюли, понюхал ароматный пар и закрыл. Он открывал и закрывал еще несколько кастрюль, заглядывал в духовку.

Я взял веник с длинной бамбуковой ручкой и стал подметать палубу. Только тогда кок улыбнулся. У него было добродушное, очень усталое лицо. Неожиданно кок сказал по-русски:

— Тебе молодеца! Я тебе давно посмотри. Когда ты была на берегу, капитан сказал, что ты русская человека. Я думал, тебе ушла. — Он говорил с видимым удовольствием, нещадно коверкая слова, но я чуть не разревелся, услышав родную речь. Он потряс над головой поварешкой. — Иво здесь кругом хунхуза-разбойника, я не хунхуза. Еще У Син тоже был не хунхуза, его контрами. Я плен попал. Раньше

служил Харбин, русика купеза. Потом Шанхай, русика ресторан, потом парохода ходи, там был русика капитан. Хунхуза пароход контрами! Все люди контрами. Только я живой. Я понимаю, что так худо. Но што можно делать? Вода кругом. Люди хорошей нету. Только тебе — хороший люди и моя — хороший люди. Я русика китайза. — Он хлопнул себя по груди. — Меня Ваня звать. Тебя как?..

Я назвался.

Рассказывая и спрашивая, он ни на минуту не забывал плиту, громыхал крышками кастрюль, помешивал в жаровнях. Несколькими ударами ножа превратил жгут из полосок теста в лапшу необыкновенной длины и бросил ее в кипящий котел. Вдруг, спохватившись, стал кормить меня креветками в остром соусе и еще чем-то необыкновенно вкусным, кажется жареным тунцом, и в довершение налил в пиалу крепкого чая.

— Тебе надо много кушай. Когда кушай — силы много.

Уписывая за обе щеки, я думал, как предупредить кока о взрыве. Не верилось, что он может предать. Но опыт научил меня, что нельзя раскрывать душу перед первым встречным. Я решил посоветоваться с Жаком. Было странно, что эти два человека, так ненавидящие эту шайку, не знают друг друга. Мне захотелось немедленно идти разыскать Жака и сказать ему, что я нашел единомышленника, что он также хочет бороться с пиратами, да не знает как. И этот человек может погибнуть, потому что не знает о mine...

Разнесся медный перезвон рынды. Вахтенный

матрос отбил четыре двойных удара, оповестив, что окончилась третья и началась четвертая вахта.

Кок заторопился. Вытащил из стенного шкафа большой черный поднос.

— Надо нести кушать капитана немножко быстро. Если быстро нету, иво серчай, шибко серчай! Пожалуйста, немножко быстро.

Я шел на корму с тяжелым подносом, еле передвигая ноги. Мне казалось, что вот-вот неминуемо ударит взрыв и я вместе с подносом полечу за борт. Навстречу мне показался Жак с ведром в руке. Проходя мимо, он шепнул:

— Назад, быстро.

Поднос чуть было не выпал из моих ослабевших рук.

Каюта капитана находилась недалеко от машинного отделения. Я спустился по узкому трапу. У дверей каюты стоял часовой с немецким автоматом на груди. Он молча открыл двери. Я очутился в прихожей, освещенной красным светом. Пахло сандаловым деревом и дорогим табаком. Одна полуоткрытая дверь вела в ванную из голубого кафеля, за второй дверью слышались глухие голоса. Я открыл дверь коленом и очутился в ярко освещенной гостиной. За полированным столом из красного дерева в кожаных креслах сидели капитан «Лолиты» и Ласковский Питер. Они играли в карты. Когда я подходил к столу, капитан швырнул карты на пол, а Ласковский Питер пододвинул к себе кучу бумажек. Это были доллары, английские фунты, японские иены и еще какие-то деньги.

— Мой мальчик! Вот мы и встретились, ставь поднос. Симада-сан любит креветки, лапшу и

что там еще. — Он заглянул в чашечки, соусники и потер руки.

Я хотел уйти, но Ласковый Питер сказал:

— Постой, некуда спешить, мой мальчик. Но как тебе понравилось это милое суденышко? Прогулочное судно, не правда ли? Ты что так бледен? Не рад, что увиделся со своим капитаном? Или взволнован встречей? Мне ж всегда приятно тебя видеть. Как это ни странно, ты принес мне счастье. За два дня я спустил Симадасану все, что удалось выудить из сейфа «Ориона», — десять тысяч семьсот двадцать три доллара и восемьдесят центов. И представь себе, мой великодушный партнер предложил сыграть на тебя, моего верного юнгу, оценив твою пер-

сону в пятьсот долларов. Ты, вероятно, никогда не думал, что стоишь так дорого? За такую цену в Африке можно и сейчас купить пару здоровенных негров! Ты взволнован, что мог расстаться со мной? Но успокойся, я отыгрался на эти пятьсот долларов и выиграл тысяч тридцать. Что же ты не радуешься вместе со мной? Что топчешься, как в раскаленных углях?

Действительно, слушая его самодовольную речь, я не находил себе места и потихоньку пятился к дверям, прижимая к груди поднос. Каждый толчок волны, крен воспринимались мной, как начало взрыва. «Вот так, — думал я, — толкнет, накренится, а потом как трахнет!»

Единственное, что задело меня в те напряженные минуты, почему-то была сумма, в которую оценили меня игроки. Уж очень она показалась мне обидно мизерной.

Симада-сан со знанием дела работал бамбуковыми палочками, причмокивая от удовольствия, слушал, улыбался и косился на меня.

Как мне хотелось в эту минуту крикнуть им в лицо, что скоро их пиратское судно взлетит на воздух! И в лучшем случае они будут барахтаться среди акул и топить друг друга, вырывая из рук обломок деревянной обшивки или пробковый буй. Почему-то мне все время думалось, что мы с Жаком находимся куда в лучшем положении, зная, что «Лолита» неминуемо погибнет.

Наконец, выскочив из каюты, я побежал на камбуз, ища глазами Жака. Матросы обедали, рассевшись на палубе. Жак стоял возле двери камбуза и

не спеша, как делал он все, ел что-то из большой чашки. Когда я остановился в дверях, он сказал:

— Так долго находиться там нельзя.

Когда я торопливо рассказал ему, почему задержался у капитана, Жак, нагнувшись над чашкой, проговорил, почти не шевеля губами:

— Как жалко, что погибнет так много ценностей! Здесь много золота, денег, какой красивый корабль, сколько мог принести добра людям. Можно на нем ловить рыбу, изучать океан...

Я перебил его и стал рассказывать о коке. Жак согласился, что его следует предупредить, но так, чтобы он не догадался, что мы подложили мину, и в час опасности держаться всем троим вместе.

Я решил не откладывать этого дела и вошел на камбуз. Ваня отвел меня к иллюминатору и спросил, косясь на двери:

— Тебе думай, этот Жак хороший люди?

— Очень хороший. Он не пират, не хунхуз.

— Я тоже так подумай. Его боцман обижай и эта облизьянка, шампанзе. Только я не понимаю, почему Жак суда попади. Тебе не знай?

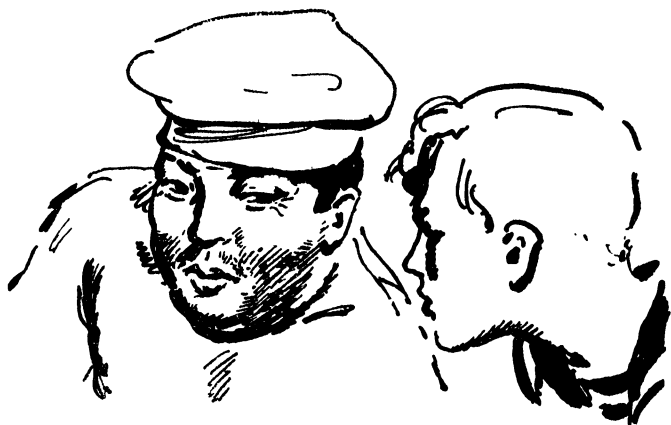
— Нет, не знаю.

— Ну, хорошо. Потом все будет понятно. Ты что хотел мне рассказать?

— Видишь ли, Ваня, — начал я, стараясь как можно осторожней предупредить его об опасности, — скоро, — я постучал по настилу, — скоро наша шхуна утонет.

— Это очень хорошо! Прямо прикрасно!

— Ты не боишься?

— Я?! — Он презрительно фыркнул. — Если можно, я сам дырка делай, пускай вода бежит.

— Дырка скоро будет, — пообещал я. — Большая дырка.

— Большая дырка — это хорошо. — В голосе его послышалась легкая неуверенность.

Я сжал ему руку.

— Когда будем тонуть, нам надо всем быть вместе. У тебя есть пояс?

— Зачем пояс?

— Чтобы не утонуть.

— Пробка пояса?

— Пробочный пояс или буй.

— Надо поискать. — Он стал пристально глядеть мне в лицо.

— Надо будет взять и вот это, — я снял со сте-

ны два ножа, похожие на самурайские мечи, — от акул отбиваться и если хунхузы нападут.

Он усмехнулся, подмигнул, толкнул меня в плечо.

— Ты хочешь немножко испугнуть? Да?

— Нет, Ваня, дело серьезное. У тебя есть пистолет? Или лучше автомат? Тр-р-р, — я приставил поварешку к животу и повел ею по сторонам.

— Зачем стрелять?

— Если полезут. У них же автоматы, пистолеты, а у нас, — я показал ладони рук, — ничего нет.

— Ты хочешь войну делать?

— Нет, зачем же, мы только будем отбиваться, если они нападут.

— Ты смешной мальчишка. Здесь нельзя играть. Посмотри! Кругом вода, кусуча рыба, акула. Сразу буль-буль. Надо подождать, когда будет земля, порт. Тогда можно потихоньку уходить.

— Мы не дойдем до порта. Сегодня к вечеру, а может, сейчас пойдем ко дну.

Поняв, что я не шучу, он прошептал, заметно бледнея:

— Где хочешь ломать дырку?

— В машинном отделении.

— Машину ломать — это плохо, — сказал он со вздохом, вытер с лица пот, — шибко плохо, прямо неприятности. — Он смотрел на меня испуганными глазами, сляясь улыбнуться.

Надо было как-то выходить из неприятного положения, и я сказал первое, что пришло в голову:

— Паруса останутся, дырку заткнем и доберемся до какого-нибудь острова.

Он покачал головой:

— Зачем паруса, когда большая дырка? Тогда

наша шхуна фангули, перевернется, все мы буль-буль. Хунхузы буль-буль. Ты, я — буль-буль, Жак — все пропадут. Это нехорошо, — он прищурился и потряс толстыми щеками, — даже совсем плохо. Надо капитану говорить.

Я испугался и стал его успокаивать.

— Зачем идти к капитану? Ведь дырки еще нет, а если будет, то заткнут чем-нибудь.

— Ты шибко хитрый, ты сказал, большая дырка! Какая большая? Эта кастрюлька? — он показал на жерло котла, в котором варил еду для всей команды.

— Не бойся, Ваня, это я сам хотел пробить дырку.

— Ты! — он просиял. — Тогда ничего. Я сразу подумал — ты немножко обманываешь. Даже просто шанго, по-русски хорошо, когда так обманывают. Только пока, — он лукаво подмигнул, — пока давай не надо. Когда будем в порту, тогда будем думать. Шибко думать. Поспешать давай не надо. Ух ты! — спохватился он, снимая кастрюлю, в которой что-то подгорело. — Чуть совсем не пропади мясо. Тогда неприятности. Капитан любит такое мясо. Давай посуду, скоро капитана опять кормить надо!

Я смотрел на кока и думал с облегчением, что не раскрыл ему нашу тайну; как видно, бедняга оказался не из храброго десятка.

Когда я принес обед в капитанскую каюту, то Симада-сан, сидя за столом, неторопливо разглаживал доллары, фунты стерлингов, иены, франки и раскладывал их в разные кучки. Он улыбался, скаля крупные золотые зубы, и что-то бормотал себе под нос. Ласковый Питер, бледный, осунувшийся за эти несколько часов, как после болезни, нервно грыз по-

тухшую сигару и с плохо скрываемой ненавистью следил за толстыми пальцами японца.

Увидав меня, он скривил в улыбке тонкие губы.

— Поздравляю. Теперь твоим хозяином стала эта желтая обезьяна. Он убил мою карту двадцать раз подряд. Ты не находишь, что твой новый хозяин шулер? Как я не завидую тебе, Фома!

Не ответив, я стал хватать с подноса и расставлять по столу, свободному от денег, принесенные блюда, чтобы поскорей вырваться из каюты.

Симада-сан поднял голову и с той же улыбкой сказал на довольно чистом немецком языке, обращаясь ко мне:

— Бой! Твой бывший хозяин настолько взволнован проигрышем, что высказывает вслух недозрелые мысли. Нам с тобой остается только сожалеть об этом.

Ласковый Питер, выронив изо рта сигару и сосредоточенно помолчав, промямлил:

— Я не предполагал, что вы так хорошо знаете мой язык.

— Что вы, совсем плохо. Но не настолько, чтобы не понять, когда меня оскорбляют.

— Я совсем не хотел... — В это время в каюту ворвался бешеный перезвон рынды. — Боевая трево-

га! — Ласковый Питер вскочил. — Сейчас не до ссор.

— О да, мы отложим нашу приятную беседу, — ответил Симада-сан, сгребая деньги со стола.

Гибель „Лолиты“

На палубе готовились напасть на океанскую джонку. Громоздкая трехмачтовая деревянная посудина с высоко приподнятой кормой, распустив все свои прямоугольные паруса, натянутые на множество бамбуковых палок, кренясь на левый борт, тщетно пыталась уйти от быстроходной «Лолиты». Вооруженные матросы стояли возле расчехленных, готовых к спуску шлюпок.

На баке возле пушки среди орудийного расчета я увидел Жака.

Резко ударил в уши орудийный выстрел. Перед кормой джонки поднялся столб воды. Тотчас же самый большой парус со средней мачты пополз вниз. И скоро, убрав все паруса, джонка остановилась, тяжело покачиваясь на волнах. «Лолита» подошла к ней на расстояние кабельтова. Шлюпки с матросами спустили на воду, и они помчались к беззащитному кораблю. Грабители пробыли там не больше получаса и вернулись по сигналу с «Лолиты».

Все это время я стоял возле камбуза, глядя, как разбойники расправляются с командой джонки, бросают в шлюпки тюки с товарами. Едва только шлюпки подошли, их подцепили таями, шхуна дала полный вперед, шлюпки поднимали уже на ходу. «Лолита» спешила на новый грабеж.

Джонка не успела скрыться за горизонтом, как над водой раскатился взрыв. На ее месте осталось только облачко черного дыма.

Я подбежал к Розовому Гансу, он стоял у фальш-борта и, давясь от смеха, рассказывал что-то француз-артиллеристу, мрачному человечку с черной бородой.

Веселый немец, увидав меня, сказал, показывая на француза:

— Артиллерия не довольна, что я подсунул в это корыто парочку мин. По их мнению, парусник надо было расстрелять из пушки. Он жалуется, что последнее время у него совсем нет тренировки. Я пытаюсь ему объяснить, что незачем палить среди белого дня в парусник, когда с этим делом не хуже справится «несчастный случай». Ха-ха! Чисто сработали мои магнитки.

— Надо вернуться, спасти их, — сказал я. — Там люди гибнут!

— Пустое дело: здесь кишат акулы. — Розовый Ганс махнул рукой. — Да жалеть их нечего, это же были китайцы. Они могли сообщить о нас. Дьявол их знает, может, у них была радиостанция. Вызвали бы английские миноносцы, а те могли сорвать наше свидание с «Мельбурном». Теперь никто не помешает нам. Ха-ха!..

Когда я, наконец, вернулся на камбуз, кок сказал печально:

— Так они каждый раз убивают бедные люди.

Я не поверил в искренность его слов, он показался мне тогда не только трусом, но и лицемером, хотя эти качества очень тесно связаны: трус никогда не бывает откровенным, если его к этому не принудить.

Минут через двадцать после гибели джонки с кормы донесся голос Розового Ганса:

— Эй, юнга дикобраз, бегом к капитану!

Я хотел идти на вызов, но кок остановил меня в дверях испуганным возгласом:

— Ты посмотри! Сейчас он совсем пропади!

Я увидел Жака, он стоял у входа в матросский кубрик. К нему подходил, приплясывая, Тони. Неподалеку стояли боцман и еще несколько пиратов. Боцман закричал истошным голосом. Палач протянул руки к Жаку, закрыв его от меня своей широченной спиной. Неожиданно раздались, почти слившись, два выстрела, палач ткнулся носом в палубу у ног Жака. Жак выстрелил еще два раза, и боцман, цепляясь за тали, стал падать.

Все это случилось так неожиданно, так ошеломило пиратов, привыкших к строжайшей дисциплине, что Жак воспользовался их замешательством, в несколько прыжков очутился на баке и спрятался за щитом пушки. Один из подручных боцмана бросился было за Жаком, но тут же щелкнул выстрел, и он, пригнувшись, побежал под прикрытие фок-мачты. В руках у Жака появился автомат. Видать, он его припрятал возле пушки.

Я видел, как многие, прячась за мачты, шлюпки, поглядывали в сторону бака, качали головами, перешептывались друг с другом. На их лицах был суеверный ужас.

На мостике ударили боевую тревогу, но матросы лишь вяло перебежали от укрытия к укрытию. Из кубрика, где находилось большинство команды, показалось несколько человек. Жак дал автоматную очередь над их головами; «смельчаки» скрылись

и больше не показывались. Каждый понимал, что человеку, убившему боцмана, терять нечего.

С мостика раздался громкий голос. Капитан или кто-то из его помощников кричал в мегафон, видимо стараясь уговорить Жака сдаться.

Жак выслушал и дал в ответ короткую автоматную очередь, которая красноречивее слов говорила о его намерениях. Он понимал, что судьба его решена. У него оставалась единственная надежда, что вот-вот взорвется мина, и тогда в панике появятся хоть какие-то шансы на спасение.

А мина все медлила.

Кок втолкнул меня в камбуз, а сам остался за дверью. Я услышал топот ног, отрывистые голоса, несколько выстрелов из пистолета, прозвучала автоматная очередь. Все эти звуки покрыл оружейный выстрел, треск падающей мачты и рвущихся снастей.

В камбуз влетел кок, а за ним Розовый Ганс. Увидав меня, Розовый Ганс сказал срывающимся голосом:

— Он с ума сошел, фугасным снарядом срубил мачту! Слышишь? Дал очередь из автомата.

По стальной стенке камбуза стучали пули.

— Теперь к нему не подойти.

— Он защищается, его хотели убить! — сказал я.

— Об убийстве не было и речи. Боцман ему и еще десятку таких же бандитов приказал идти на ют что-то там сделать. Те пошли, а этот отказался выполнить приказ. Ну, Тони и хотел ему вправить мозги. А он откуда-то достал «вальтер», наверное

стащил на берегу. Этот негодяй мог бы припрятать и мину, если бы умел обращаться с ней.

Розовый Ганс разразился страшной руганью в адрес Жака, а затем продолжал:

— Теперь я ему не завижусь. — Выглянув из камбуза, он тотчас же спрятал голову под защиту стальной стенки. — Начисто срезал фок. Представляю, какой у нас вид со стороны! Теперь к нему не подойдешь. Он, дьявол, может всех нас утопить. Есть только одно средство — это забросать его гранатами. Надо взять ключи у боцмана... Отдал дьяволу душу, мерзавец. Ха-ха! Теперь меня могут поставить на эту должность...

Дверь камбуза распахнулась, и к нам вошел Ласковый Питер с пистолетом в руке. Он набросился на Розового Ганса:

— Ты почему здесь околачиваешься? Что тебе было приказано, мерзавец?

— Я еле нашел его, — стал врать Розовый Ганс, кивнув в мою сторону. — Тут у них одна лавочка. — Он схватил меня за руку. — Пошли, буду я еще из-за тебя получать неприятности.

— Оставь. Я поговорю с ним здесь. — Ласковый Питер взял меня под руку. — Вот что, Фома, мой мальчик. Запомни крепко. На этот раз ты или подчинишься мне, или тебя ждет участь У Сина. Нож с тобой?

— Нет.

— Врешь! — Он ощупал карманы. — Странно, не соврал. Вот что. Я говорил о тебе с капитаном. Капитан согласен отправить тебя на Родину на свой счет и выдать еще тысячу долларов, на пятьсот больше, чем ты стоишь. Но я шучу, ты стоишь го-

раздо больше. И все это за небольшую услугу. Ты храбрый парень. Тебе это ничего не будет стоить.

Я слушал его, вначале ничего не понимая. Он вытащил из кармана небольшой нож в желтых кожаных ножнах, отделанных медью. — Возьми вот. Спрячь. Это настоящая финка. Потом можешь взять себе на память. Ты сейчас пойдешь туда. Он тебя не тронет. Не бойся. Сделаешь вид, что заодно с ним, и, выбрав момент, всадишь финку ему между лопаток. В этом твое спасение и спасение всего корабля. Он сумасшедший. Не жалей его. Пожалей себя. Только себя. Ты слушаешь меня? Он уже убил десять человек. Его песенка спета. К нему бояться подойти эти несчастные трусы. Прирезав его, ты окажешь неоценимую услугу всей команде и этому безумцу.

Я не минуты не сомневался в том, что должен буду сделать, а потому взял финку и сунул ее в карман.

Все это время кок молчал, искоса поглядывая на нас. Теперь же он спросил меня по-русски:

— Ты хочешь его убивать?

— Что вы! — ответил я, зная, что Ласковый Питер не знает ни слова по-русски.

— Тогда ты хочешь помирать?

— Нет, не хочу.

— Тогда моя голова ничего не понимает. Лучше тебе не надо ходить. — Он сокрушенно покачал головой, не обращая внимания, что из духовки потянуло гарью.

Я попрощался с ним и попросил не показываться на палубе. Ласковый Питер сказал:

— Кок напуган до смерти. Но ты, наконец-то ты взялся за ум. Я предвидел это, сохранив тебе жизнь.

Не медли, мой мальчик, помни, что ты идешь спасать и себя и еще многих достойных людей.

Когда я вышел на палубу, Жак стрелял из автомата одиночными выстрелами, но, увидев меня, прекратил огонь. Фок-мачта, срезанная на высоте полутора метров от палубы, навалилась на грот, готовая рухнуть за борт, но ее не пускали оснастка и еще умелая рука рулевого. «Лолита» шла малым ходом, и рулевой держал ее поперек пологой волны, не давая особенно раскачиваться из стороны в сторону.

— Жак, не стреляй! — крикнул я, подняв обе руки.

Он ответил:

— Перейди на левый борт! Быстро!

Я бросился к левому борту, и Жак дал очередь из автомата. Пригнувшись, я побежал, запнулся за убитого, упал и прополз на животе последние пять метров до пушки.

Когда я очутился за щитом, Жак, ничего не спрашивая, сунул мне в руки еще один автомат (откуда он его взял?!) и проговорил совсем спокойным тоном:

— Стреляй! Теперь уже скоро. Отодвинь предохранитель. Не показывай голову. Укройся за брашпилом!

Мы дружно застрочили из автоматов по палубе, он — по левому борту, я — по правому, не целясь, просто чтобы к нам не могли подойти.

Когда у меня кончились патроны, Жак бросил мне запасной магазин.

В нас не стреляли, видно что-то замышляя. Вдруг я увидел руку на планшире фальшборта: к нам подкрадывались под его прикрытием. Мы открыли

огонь, и два матроса полетели за борт. Их никто не стал спасать.

Когда мы переставали стрелять, Жак подбадривал меня:

— Честь и мужество победят, Фома...

На наше счастье, основные силы команды находились в матросском кубрике, и мы никому не давали из него высунуться. Большая часть вахтенных матросов, которым было приказано атаковать Жака, были убиты или ранены. Потерпели неудачу наши враги, когда хотели обстрелять Жака из крупнокалиберного пулемета. Он разгадал их замысел. Пулемет стоял на крыше рубки, замаскированный чехлом под компас. Но оттуда мачты мешали вести огонь по баку. Пулемет стали было переносить на крыло мостика. Жак сбил из пушки и пулемет и часть мостика. Мне было и страшно и в то же время радостно от сознания, что я не оставил товарища в беде, что я сражаюсь за правое дело, против фашистов и что мы держим в страхе такую банду головорезов...

И все-таки мы чуть было не сложили головы на баке «Лолиты». Наверное, Розовый Ганс достал гранаты из оружейного погреба. Внезапно они стали рваться на палубе, но, к счастью, перед нашим укрытием. Щит пушки и брашпиль надежно защищали от осколков. Какой-то головорез бросил гранату с грот-мачты. Жак снял гранатометчика автоматной очередью.

У меня не стих еще в ушах гул от взрыва гранаты, как мы покатались по палубе, сбитые резким толчком. Грот-мачта с треском полетела за борт, лопались снасти, что-то трещало, ухало. Когда мы с Жаком поднялись, то увидели, как из кубрика

хлынули матросы, сшибая друг друга, топча ногами упавших. Они бросились к шлюпкам. Напрасно капитан, надрываясь, кричал в мегафон и рында призывала занять места по водяной тревоге.

«Лолита» медленно уходила кормой под воду...

...Две шлюпки, набитые до отказа, отходили от борта.

По какой-то случайности на корме при взрыве мины уцелел баркас и на него шла посадка. Двое с автоматами сдерживали напор обезумевшей команды. К ним яростно пробивался Розовый Ганс. Несколько раз его отбрасывали назад, сбивали с ног, топтали, он вскакивал, врезался в ревушую толпу, нанося удары вымбовкой по головам матросов. Наконец ему удалось пробиться к автоматчикам, и те пихнули его в баркас.

Яростная ругань и драка за места шла в третьей шлюпке, четвертую шлюпку раздавила в щепки упавшая фок-мачта...

— Стреляй в них! — закричал я Жаку. — Стреляй из пушки, — и навел свой автомат. Жак пригнул его дулом к палубе.

— Нельзя. Если мы разобьем шлюпки, они убьют нас. Нам тогда не выбраться. Пусть только отплывут! Матросов стрелять не надо, многие из них попали сюда не по своей вине. Надо в баркас! В баркас, там главари...

Из камбуза показался кок и, озираясь по стопонам, сначала шел медленно, а потом побежал к нам.

— Тебе все живой! — радостно закричал он, увидав нас с Жаком. — Как хорошо, что живой! Я ду-мал, все помирай. — Присев возле нас, он сказал: —

Нам не надо поспешать. Они могут нас стрелять. Когда уедут, тогда мы поедem. Я уже один раз погибал. Я знаю...

Я увидел третье превращение кока за день. Перед нами стоял совершенно другой человек, как хороший актер, снявший грим. Его плутовское лицо стало тверже, решительней. Он был совершенно спокоен, как может быть спокоен очень храбрый человек в таких обстоятельствах. Он всячески старался нас ободрить, переходя с пиратского жаргона на русский язык.

— Зачем бояться? Если дело худо — все равно, — он выразительно развел руками, — будут неприятности.

Между тем, прицелившись, Жак выстрелил из пушки по баркасу, на котором уходили Симада-сан, офицеры, Ласковый Питер и кое-кто из их подручных.

Промах.

Я подал Жаку снаряд, он зарядил пушку, но в это время баркас скрылся от нас, зайдя за корму «Лолиты».

— Нет, они не уйдут, не уйдут! — повторял Жак, не отходя от прицела. — Они вспомнят еще У Сина, когда будут барахтаться среди акул.

Стаи этих прожорливых тварей носились вокруг тонущей шхуны.

Ветер медленно разворачивал тонущий корабль. Прошло несколько минут, и мы увидели баркас, удиравший от нас под всеми парусами.

Жак принял к прицелу.

Выстрел! Перелет.

Разрыв второго снаряда закрыл баркас водяным столбом, это был недолет.

Жак попал в баркас только шестым выстрелом.

Ваня сказал печально:

— Это настоящая война. Иво все пропади. Это хорошо. Такой люди надо пропади. Но нам не надо пропади. Надо делать, что плавает, как иво...

— Плот! — подсказал я.

— Вот, вот. Надо очень скоро делать.

Шлюпки медленно уходили от нас, взяв курс на юго-восток. Мы втроем смотрели им вслед. И странное дело, корабль тонул, может быть, нас ожидала страшная участь, но ни у меня, ни у моих старших товарищей — я видел это по их лицам — не было страха. Мы испытывали радость победы, и все невзгоды, ожидающие нас впереди, казались пустяками после всего пережитого.

— Как я боялся, что мина не взорвется... — Жак хотел еще что-то добавить, но кок накинул на нас, требуя немедленно начать постройку плота.

Мешкать было опасно. «Лолита» низко осела, задрал нос, и застыла в таком положении. Вздрагивая и потрескивая, она боролась с водой, разрывавшей переборки. Никто не мог сказать, на сколько времени еще хватит у нее сил продержаться на поверхности.

Кок выбросил из дверей камбуза топор, пилу и нож, похожий на самурайский меч. Мы с Жаком стали снимать лючины — толстые доски, которыми закрывают трюмы, и бросать их в воду между мачтой и бортом «Лолиты». Ваня стаскивал в кучу матрацы, набитые пробковой крошкой, спасательные пояса, концы манильского троса.

Кок опустил нам в мешке из-под сухарей автомат и с десяток магазинов к нему.

Жак с моей помощью укладывал доски одним

концом на мачту, другим — на рею и прикручивал манильским тросом. Работал он удивительно ловко и скоро. Когда мы закончили работу, кок стал бросать на плот матрацы, спасательные пояса, весла, шесты, брезент, ящики, банки и коробки с продуктами. Наконец перебрался сюда и сам, едва дышавший от усталости и волнения.

В чреве корабля что-то треснуло. Мы втроем отрубили канаты, связывавшие наше суденышко с мачтой, и стали отталкиваться от борта веслами и шестом. Наш грузный плот еле двигался. К счастью, помог ветер, и мы успели уже отойти на безопасное расстояние, когда нос «Лолиты» скрылся под водой.

Чуть посвистывал пассат, еще больше подчеркивая траурную тишину, стоявшую над океаном.

Несколько часов ушло у нас на оборудование и оснащение нашего суденышка. Чтобы плот был более мореходным, Жак предложил обрубить концы мачт, утяжелявшие его. Мы это и сделали, а обрубки подвели под плот и надежно закрепили. Теперь нам был не страшен свежий ветер или даже небольшой шторм, а главное, можно было поставить парус. Мачту мы соорудили из бамбуковых шестов, а парус из брезента. За плотом потянулся след, как за настоящим кораблем.

— Не меньше трех узлов! — воскликнул Жак. — Семьдесят две мили в сутки!

Теперь у нас появились шансы встретить корабль или пристать к одному из коралловых островов.

Ваня нес первую вахту, стоя возле мачты. Мы с Жаком сидели на пробковых матрацах. Жак говорил:

— Правда и мужество победили! Как хорошо, что

мы встретились! Теперь у них на два корабля меньше.

Я с удивлением спросил:

— Разве ваш товарищ действительно утопил «Орион»?

Жак кивнул:

— Да, он проложил курс на рифы, когда ничто не предвещало шторма. Обычно в эти месяцы стоит хорошая погода. У Син рассчитывал, что вся команда спасется на шлюпках. Шторм налетел внезапно, когда вы были со всех сторон окружены рифами. Выхода не было. Война! Мы ведем беспощадную войну, как русские партизаны...

— Кто вы?

— Патриоты! Мы боремся за независимость своей родины, против фашистов и захватчиков — немецких, японских, английских и всяких других.

— Разве Симада-сан и Ласковый Питер захватчики? Они просто бандиты, разбойники!

Он покачал головой.

— Те и другие тесно связаны. В тропическом лесу на гниющих деревьях растут ядовитые лианы. Все в жизни тесно связано. Пираты помогают чужеземцам угнетать народы Азии. У них целая армия наемных убийц, шпионов, они проникают везде, выслеживают и убивают патриотов. Вначале они просто разбойничали в наших водах, а когда разгорелась война, то захватили все дороги южных морей. Сейчас они тоже работают на войну — помогают фашистам. В наших водах всегда было много морских разбойников, но никогда они не достигали такой силы. И вот мы решили уничтожить эту заразу. У Син погиб не напрасно. И наша смерть была бы оправдана. Но мы

остались живы. Как хороша жизнь! Смотри, какое ласковое небо. Какое море!..

Ваня сопел, поглядывая на нас, ему тоже хотелось поговорить, но из деликатности он молчал.

Плот медленно двигался, утюжа волны. Мы стали вспоминать все подробности боя. Ваня, трясаясь от смеха, рассказал смешную историю, происшедшую с Розовым Гансом. Во время взрыва Ганс все еще сидел в камбузе, и когда тряхнуло, то угодил на горячую плиту. Затем Ваня стал отчитывать Жака. Говорили они горячо и долго. Когда кок замолчал, Жак сказал мне:

— Он недоволен, что я, зная о взрыве, поднял целое восстание.

Я признался, что мне тоже непонятно его поведение. Зачем было рисковать?

— Я не мог иначе. Помните, там, на берегу, Тони ударил меня ни за что. Это не первый раз. Боцман что-то подозревал, ему, наверное, доносили, что я не особенно охотно служу им. Он стал придирается ко всему. Сегодня ему не понравилось, что я не весел. И он приказал Тони отвести меня на корму «поселиться».

— Мне говорил Ганс, что вас назначили на работу куда-то на корму, и вы отказались. Конечно, туда было идти опасно.

— Не на работу. С работы я мог уйти. Меня собирались посадить в карцер, он рядом с машинным отделением. Выхода у меня не было. И я решил продать жизнь как можно дороже.

Слева показался небольшой островок с редкими пальмами. Пристать к нему мы не могли: пассат увлекал нас все дальше и дальше к экватору.

— Ничего, — сказал мне Ваня, — скоро будет много земли. Вон посмотри!

Далеко впереди что-то чернело.

— Дым! — сказал Жак. — Это большой пароход.

Он оказался прав. Прямо на нас шел лайнер, он поднимался как из-за бугра. Нас заметили. Лайнер сбавил ход, а потом и совсем остановился в полумиле от плота, похожий на многоэтажный дом. На его палубах виднелись любопытные лица пассажиров, они махали нам руками и что-то кричали. Скоро к нам подошел вельбот. Моряки, говорившие по-английски, весело гогоча, помогли нам перебраться в шлюпку.

Когда мы обходили корму теплохода, я прочитал название: «Мельбурн». Это был тот самый «Мельбурн», на свидание с которым спешила «Лолита». Теперь ему ничто не угрожало.

Вместо эпилога

Теплоход шел из Австралии во Владивосток. На безоблачном небе, прямо над головой, висело нестерпимо яркое и горячее солнце. В такелаже посвистывал пассат. Мы стояли с капитаном на крыле ходового мостика. Это был совсем еще молодой человек, высокий, белозубый, с решительным взглядом голубых глаз и твердым волевым ртом. Облокотясь на перила, он говорил, по привычке щурясь и вглядываясь в даль:

— На «Мельбурне» пришел конец нашим злоключениям. В первом же порту, куда зашел «Мельбурн», я разыскал наших, это были представители по каким-

то закупкам. Затем окончилась война. Добрался домой, нашел родных... А учиться пошел в мореходное. И вот стал пенителем моря...

Помолчав, он продолжал:

— Как память о далеких днях, у меня дома, во Владивостоке, хранится алая веточка коралла. Когда я смотрю на нее, то в моем сознании с необыкновенной яркостью возникают лица Вилли, Тави, Ронго, Ван Дейка, У Сина, Жака, кока Вани, Ласкового Питера, Симада-сана, Тони, Розового Ганса — лица друзей и врагов. О врагах тоже не следует забывать.

Смотрите, островок, — капитан подал мне бинокль, и я увидел полосу прибоя. Вода взлетала к небу, кипела, пенилась на рифах. За рифами сверкал и переливался белый коралловый песок, в дрожащем воздухе плавали стволы кокосовых пальм, их кроны трепал ветер.

— Вот на такой островок меня и выбросило, — сказал капитан.

— Может быть, на этот самый?

— Нет, Соломоновы острова, миль пятьсот к юго-западу. А похож, — сказал он, взяв у меня бинокль, — очень похож, даже форма лагуны такая же. — Он опустил бинокль, сказал: — Жарковато, скоро экватор...

А потом добавил:

— Так вот, о врагах тоже не следует забывать!

СОДЕРЖАНИЕ

Следы на песке	3
Поединок	16
Под чужими звездами	27
Выстрел	41
Игра в прятки	48
Последний патрон	55
Бой в океане	67
Катамаран	72
Охота на осьминогов	82
«Лолита»	89
Магнитная мина	98
Когда?	119
Меня проигрывают в карты	124
Гибель «Лолиты»	140
Вместо эпилога	158

Жемайтис Сергей Георгиевич

ВЗРЫВ В ОКЕАНЕ, М., «Молодая гвардия», 1965
160 с., с илл. (Б-ка «Честь, отвага, мужество»)

Р2

Редактор *А. Строев*

Оформление художника *И Пчелко*

Художественный редактор *Г. Позин*

Технический редактор *Г. Обуховская*

А08927. Подп. к печ. 21/IX 1965 г. Бум. 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 5(7). Уч.-изд. л. 6,4. Тираж 115 000 экз.
Заказ 1413. Цена 19 коп. Б. З. № 27, 1965 г., п. 15.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сушевская, 21.

БИБЛИОТЕКА

„ЧЕСТЬ, ОТВАГА, МУЖЕСТВО“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Е. Рябчиков, Засада на черной тропе.

А. Лукин, Операция «ДАР».

Л. Самойлов, В. Гирин, Выстрел в переулке.

Ю. Тарский, Испытание огнем.

Г. Боровик, Пылающий остров.

И. Мызгин, Со взведенным курком.

В. Смирнов, Ю. Полков, Трое суток рядом со смертью.

В. Микоша, С киноаппаратом в бою.

С. Голяков, В. Понизовский, Рихард Зорге.

Д. Морозов, Бой без выстрелов.

Петер Випп, Совершенно секретно.

А. Леонтьев, Последняя радиодиаграмма.

